

*Никогда не знаешь, откуда может
исходить опасность...*

НА ОСТРИЕ НОЖА

САЙМОН МАЙО

Neoclassic: Триллер

Саймон Майо

На острие ножа

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Майо С.

На острие ножа / С. Майо — 2020 — (Neoclassic: Триллер)

ISBN 978-5-17-134409-2

Лондонский час пик становится смертельным для семи пассажиров: женщина зарезана на рыночной площади у вокзала Юстон, мужчине нанесен смертельный удар на ступенях метро, а другого поджидали на пороге дома... Всего семь человек. Семь убийств. Для Фэйми Мэдлен — опытной журналистки агентства «АйПиСи» — эта страшная новость могла бы стать главным информационным поводом дня и захватывающей работой. Но все меняется, когда она понимает, что объединяет жертв. Каждого из них она знала лично. Эти люди — ее коллеги, журналисты из отдела расследований. Никто не может даже предположить, почему они стали мишенью для нападения. Над чем они работали, что их ждала такая страшная смерть? Странно и то, что на их столах и в их компьютерах не осталось никаких подсказок. Вскоре Фэйми начинает получать загадочные сообщения, и ей предстоит выяснить, предупреждают ли ее о следующем нападении, чтобы она смогла его остановить, или запугивают, намекая, что следующей жертвой станет она сама...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-134409-2

© Майо С., 2020

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	14
5	18
6	19
7	22
8	26
9	28
10	30
11	34
12	35
13	37
14	40
15	44
16	46
17	49
18	50
19	52
20	55
21	57
22	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Саймон Майо

На острие ножа

Simon Mayo

KNIFE EDGE

Перевод с английского А. Ерыкалина

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Лебедевой

Художник Д. Андреев

Печатается с разрешения Killingback Books Ltd.

Серия «Neoclassic: Триллер»

© Killingback Books Ltd, 2020

© Перевод. А. Ерыкалин, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящается Софи Кристофер

1

Вторник, 22 мая

Мэри Лоусон умерла первой. Выйдя со станции Юстон в 06:45, она направилась к своему любимому киоску, чтобы купить завтрак. Перед главным входом вокзала шла оживленная торговля едой на любой вкус, шипение и щелчки кофе-машин боролись с гулом транспорта и голосов. Она встала в очередь за булочкой и кофе. Этот ежеутренний ритуал позволял хоть как-то скрасить мучения от ранней поездки в Лондон. Машина – поезд – завтрак – метро – офис. В одной руке она держала наготове банковскую карту, а другой пролистывала новости на телефоне.

Воздух был душным и влажным после ночного майского ливня. По небу носились стрижи – Мэри оторвалась от телефона, привлеченная их криками, напоминавшими о скором наступлении лета. Мужчина в огромном дождевике и серой бейсболке, сидевший на мокрой скамейке, пристально посмотрел на нее. Его тело внезапно напряглось, он перевел взгляд с женщины на экран своего телефона и обратно, сунул телефон куда-то в недра плаща и медленно встал. Он тоже посмотрел в небо.

Мэри купила еду, с улыбкой попросилась с продавцом и направилась обратно на станцию. Мужчина был всего в метре от нее, когда она наконец его заметила, решив, что это бездомный, рассчитывающий получить несколько монет со сдачи. Он улыбнулся. Она заметила нож, только когда он вонзился ей в грудь. Мужчина в серой кепке пробормотал три непонятных слова с сильным акцентом и, все еще улыбаясь, прижал ее к себе, вытащил нож и снова ударил. На этот раз сантиметров на пять ниже. Единственный звук, который она издала, был судорожный, прерывистый вдох. К тому моменту, как она упала, мужчина уже убежал.

В трех километрах от вокзала Юстон Гарри Томас остановился у киоска с кофе в Кен-тиш-Таун, чтобы выпить первую за день чашку эспрессо. Рассмеявшись и похлопав себя по животу, он отказался от круассана. Он подходил ко входу в метро, когда бегун с небольшим рюкзаком полоснул его по горлу кухонным ножом, притормозив только для того, чтобы восстановить равновесие, пробормотать несколько слов и вонзить нож Гарри в сердце. Кровь и эспрессо смешались, стекая по ступенькам.

В 06:55 Сет Хуссейн переходил дорогу возле своего дома в Кройдоне, когда его ударил ножом мужчина, толкавший коляску. Саре Томпсон перерезали горло в автобусе № 259 от Кингс-Кросс. Брайана Холла ударили ножом, а затем столкнули под поезд метро на станции Пимлико. Последними умерли Сатнам Стэнли и Анита Кросс – еще два ножа, еще два удара в сердце.

На часах 07:15. Семь убийств за двадцать девять минут.

2

Фэйми Мэдден вышла из дома и сразу же остановилась: поправила наушники и нашла в плейлисте «Волшебную флейту» Моцарта. Заиграла увертюра: гобой, кларнеты, фаготы и валторны уносили ее вперед по улице. Она дирижировала, стоя в очереди за кофе, напевала арию Птицелова в метро. Фэйми двадцать лет проработала журналистом, но новости ее больше не интересуют – ей не хотелось их ни читать, ни смотреть. Вместо этого она поддавалась магии замысловатых мелодий восемнадцатого века. Ее прижимали к окну набитого людьми поезда на линии Пикадилли, но немецкая игра слов в наушниках действовала как портал в другое, более счастливое место.

На станции Грин-Парк она пересела на другую линию и со вздохом открыла электронную почту. Среди новых входящих оказалось эссе Чарли – ее дочери-студентки – с пометкой: «проверить орфографию и все такое. Спасибо, мам!»

Значит, все еще могу пригодиться, подумала Фэйми.

Когда двери вагона открылись на станции Канэри-Уорф, Фэйми была так увлечена исправлением синтаксиса, что и забыла о корпоративной реструктуризации – главном вопросе этого дня. Не поднимая взгляда от телефона, она на автопилоте дошла до эскалатора – уклоняясь, меняя направление, обходя. Замысловатый танец лондонских пассажиров. Выйдя из метро, она почувствовала тепло – зима была долгая, а весна прохладная, но наконец-то солнце начало припекать. Она выудила из сумки солнцезащитные очки-авиаторы, убрав свои обычные в тонкой круглой оправе, и взглянула на бегущую ленту новостей, тянущуюся через весь фасад здания из стекла и гранита, в котором располагался офис «Петерсон АйПиСи».

Привычка. Она делала так каждый раз. Какая-то часть Фэйми всегда оказывалась под впечатлением от актуальности и притягательности быстро движущихся золотых слов – несмотря на их чрезмерность, несмотря на ее личное неприятие, несмотря ни на что. Сегодня они рассказали ей, что французские фермеры бунтуют, а президент США находится в Берлине.

Она поднялась по мраморной лестнице, перешагивая через три ступени за раз, показала пропуск охраннику, доехала на лифте на четвертый этаж и открыла бронированные двери. Часы на стене показывали 07:55 в Великобритании, 02:55 в США, 08:55 в Париже. На пять минут раньше. Еще одна привычка. В огромном редакционном зале размером с два футбольных поля было тихо, как в библиотеке; из сотен черных компьютеров работала едва ли треть. Но начало утренней смены все изменит – Лондон вернется к контролю глобального потока новостей.

В ярко освещенном помещении с низким потолком кондиционер работал на полную мощность, разгоняя запахи ночной смены: пота, духов и холодной китайской еды на вынос. Отдел новостей всегда был для Фэйми вторым домом, ее зоной комфорта. Не имело значения, какие битвы предстояло вести (а их было много), здесь Фэйми знала, что делает. Возможно, она была плохой женой и плохой матерью, но с работой она справлялась отлично и только в офисе могла расслабиться, зная, что все под контролем.

Фэйми кивнула улыбающемуся загорелому мужчине в шортах. Итан Джеймс – редактор из бюро новостей ЕБВА – Европа, Ближний Восток и Африка. Несмотря на свое высокое положение – только лучшие из лучших работали в этом отделе, – выглядел он ровесником ее дочери.

Пора уходить, старушка, подумала она.

Фэйми одевалась как в молодости – ее образ практически не изменился со времен университета: черные коротко стриженные волосы, черная футболка, куртка цвета хаки, рваные джинсы и черные кеды. Она яростно сопротивлялась предложениям дочери одеваться как другие «женщины в ее возрасте». Эта мысль наполняла ее ужасом. У нее была хорошая кожа, и косметикой она пользовалась минимально: тональный крем и, может быть, румяна, но помада

– никогда. Ей часто говорили, что у нее серьезное лицо. Большие карие глаза. В каждом ухе по серебряному колечку и сережке-гвоздику. Бег помогал сохранять форму, и Фэйми знала, что выглядит на десять лет моложе своего реального возраста. Но когда тебе сорок один, а твой босс выглядит на двадцать один, начинаешь чувствовать себя древней. А к тому же никакого карьерного роста, урезание зарплат и бесконечные, угнетающие и непостижимые реструктуризации.

– Кто утренний выпускающий редактор? – Лысеющий мужчина, сидящий перед двумя экранами, потянулся и огляделся по сторонам.

Фэйми помахала ему:

– Я тут, Лукас. Я выпускающий.

– О, Фэйми! – он поднял руку в знак приветствия. – Ночью было довольно тихо. В Шотландии – в Пейсли – вспыхнул ужасный пожар, но его потушили. Никаких жертв. Вот и все. – Лукас устало улыбнулся. – Уступаю дела тебе.

Фэйми скользнула на его место. Лукас забрал сумку и ушел.

Фэйми посмотрела на мониторы – большие, широкоугольные и явно нуждающиеся в серьезной чистке, так что она протерла их салфеткой для очков, чтобы убрать хоть некоторые из свежих пятен. Фэйми просмотрела заголовки ленты новостей. Ей нравилось быть выпускающим редактором больше, чем она признавала. На несколько часов она могла забыть свою злость на прошлое, тревогу о будущем и тоску по дочери.

Она протерла стекла очков, заправила за уши несколько выбившихся прядей и стала ждать. Телевизоры на стене включены на каналы «Си-эн-эн», «Скай-Ньюс», «Би-би-си» и «Аль Джазира» – реклама, погода, погода и снова реклама. На столе появилась кружка с кофе. Фэйми подняла глаза. Сэм Картер, заместитель редактора, тощий и с растрепанными волосами, помахал ей маленьким пакетиком сахара, вопросительно приподняв бровь.

– Не соблазняй, сатана. – Фэйми покачала головой.

Картер пожал плечами и медленно высыпал сахар в свою чашку. Бледная кожа, белая рубашка-поло, джинсы, коричневые мокасины. Кривой нос игрока в регби. Стремительно редящая шевелюра.

– Ну, как хочешь.

Фэйми улыбнулась.

– Мне нравится по меньшей мере начинать день с правильных поступков и решений. Ты же знаешь.

– Продержись максимум до восьми тридцати, – сказал он. – Как у Чарли дела с экзаменами?

Фэйми не ответила. Столичная полиция подтвердила факт нанесения ножевого ранения на станции Юстон. Она открыла сообщение.

**БРИТАНСКАЯ ПОЛИЦИЯ
СООБЩАЕТ ОБ УБИЙСТВЕ В ЦЕНТРЕ ЛОНДОНА
ВО ВРЕМЯ УТРЕННЕГО ЧАСА ПИК**

– Юстон – необычное место для такого, а? – Рот Сэма был полон печенья, но слова разобрать было можно.

– Бандитским этот район точно не назовешь, – согласилась Фэйми. – Если не считать разъяренных пассажиров.

– Кадры! – раздался чей-то голос.

Приподнявшись, Фэйми увидела на экране видео из «Твиттера»: женщина лежит на асфальте лицом вниз. Черные волосы, красный шарф, много крови.

– Мы точно знаем, что это с Юстона?

– Нет, – последовал ответ. – Сообщение от пользователя под ником Birdie99: «Это только что случилось. Она точно мертва. Парень убежал. Кажется, меня сейчас стошнит». И всё.

Фэйми посмотрела на изображение, и ее охватило чувство тревоги. Они не могли опубликовать фотографию, сперва нужно было проверить ее достоверность, но выглядело все правдоподобно. Оглядевшись, она осознала, что редакция британского бюро уже во всю работает: все столы заняты, компьютеры включены. У стены поднялась рука. Томми Дара взглянул на Фэйми, затем перевел взгляд на свой монитор.

– Еще кадры. Снова из «Твиттера», тот же ракурс, но чуть дальше. Вид от ларьков, это определенно Юстон.

Это был уже второй источник, но Фэйми хотелось большего.

– Мы можем кого-нибудь туда послать? Полиция сообщила, что может сделать заявление.

– Займусь этим! – крикнул Томми. Темнокожий, около тридцати лет. Очки в круглой оправе. Густые черные волосы, аккуратно выбритый затылок и виски.

Зазвонил телефон. Фэйми надела гарнитуру:

– Фэйми Мэдден.

– Фэйми, это Серена, ножевое...

Фэйми перебила ее:

– Спасибо, Серена. Работаем над этим и уже на пути в Юстон.

Она собиралась повесить трубку, когда услышала, как изменился голос подруги:

– Я не про Юстон. Кентиш-Таун. На входе в метро лежит тело...

Сердце Фэйми заколотилось. Она подняла голову и объявила, прикрыв микрофон:

– У Серены есть информация о еще одном ножевом ранении. Кентиш-Таун. – Она поправила микрофон. – Так, Серена, рассказывай.

На фоне она услышала бесплотный крик и вой полицейских машин, а затем голос Серены – размеренный, но напряженный. Фэйми быстро печатала.

– У подножия лестницы лежит мужчина, вероятно, с перерезанным горлом. Белый, лет тридцати пяти. Вход в метро сейчас закрыт, повсюду кровь. Похоже, я оказалась здесь почти сразу после случившегося. Явно серьезные раны на груди и шее. Скорая и полиция уже здесь. Один из сотрудников сказал мне, что видел, как в сторону центра города убегал мужчина.

– Оставайся там, Серена. Спасибо.

**ДВА ЧЕЛОВЕКА УБИТЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ДВУХ НАПАДЕНИЙ С НОЖОМ В ЛОНДОНЕ.
СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ**

Две ножевые атаки, разделенные тремя километрами. Возможно, совпадение, но утро точно будет напряженным.

– Еще кадры с Юстона! – Это снова Томми. – Фэйми, ты должна это увидеть.

Его голос звучал сдавленно. Томми указывал на экран. Это фото мертвой женщины было более качественным и снято под другим углом. Фэйми пристально изучила окровавленную одежду и лицо женщины, и тут на нее навалилась слабость – Фэйми ее узнала.

3

– Боже милостивый, это Мэри Лоусон.

Фэйми вцепилась в стол. Женщина у вокзала Юстон – это Мэри Лоусон, ветеран журналистики из агентства «АйПиСи» и глава их отдела расследований. Фэйми недоумевала, как же не узнала ее раньше – для этого было достаточно синего кардигана и красного шелкового шарфа.

Когда Фэйми в конце концов вырвала себя из оцепенения, она обнаружила, что позади нее собралась небольшая толпа. Фото с Юстона открывали на компьютерах по всему этажу, и его продвижение можно было отследить по вскрикам и вздохам. Сотрудники подтягивались к столам британского бюро в знак сочувствия и солидарности. Фэйми посмотрела через стеклянную стену на стол Мэри: компьютер, фотография двух маленьких детей. Фэйми почувствовала, как ее дернули за рукав.

– Есть еще кое-что. – Сэм кивнул в сторону ее двойного экрана.

Фэйми не двигалась, у нее кружилась голова. Когда пришли документы на развод, Мэри купила ей пиццу. Когда ее дочь сдала выпускные экзамены, Мэри первой ее поздравила. Она была одной из лучших, крутым и находчивым репортером и умело руководила отделом расследований.

– Фэйми, работа, – сказал Сэм мягко, но твердо.

– Ее детям одиннадцать и тринадцать, Сэм.

– Я знаю. Произошло нечто ужасное. Мы с этим разберемся. Но сейчас ты – выпускающий редактор, если только не хочешь, чтобы кто-то другой...

Фэйми покачала головой:

– Нет, нет, я все сделаю.

Она опустилась в кресло, вытерла глаза рукавом и пролистала последние две минуты ленты новостей. Живот свело. Полиция сообщила о еще трех нападениях, на этот раз в Кройдоне, Хакни и Пимлико. Тут в кровь наконец-то поступил адреналин. Это не было совпадением. В телевизорах на стене появлялись сообщения о «множественных нападениях».

Телефон, снова Серена, испуганный голос.

– Господи, Фэйми! Я рассмотрела человека, когда его уносили. Это Гарри. Гарри Томас из отдела расследований. Господи, я никогда не видела столько крови.

Откуда-то издалека Фэйми услышала свой собственный голос:

– Он мертв, Серена? Они это подтвердили?

– Да. Боже. Мертв. Совсем мертв. Черт.

ЛОНДОНСКАЯ ПОЛИЦИЯ СООБЩАЕТ,
ЧТО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ
ЯВЛЯЮТСЯ «ВОЗМОЖНЫМ ТЕРАКТОМ»

ПОЛИЦИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТ,
ЧТО 2 ЧЕЛОВЕКА УБИТЫ И 3 РАНЕНЫ
В РЕЗУЛЬТАТЕ 5 НАПАДЕНИЙ
С ХОЛОДНЫМ ОРУЖИЕМ В ЛОНДОНЕ —
ЗАЯВЛЕНИЕ

ЛОНДОН, 22 мая. (АйПиСи) – Полиция Лондона заявила, что пять отдельных случаев нападений с холодным оружием, произошедших в разных частях британской столицы, были «возможной террористической атакой».

В заявлении столичной полиции сообщается, что два человека были убиты и трое серьезно ранены.

Фэйми напряжено моргнула.

– Вторая пара глаз! Посмотрите, кто-нибудь!

Итан Джеймс из бюро ЕБВА появился у нее за спиной и прочитал текст.

– Второй мертвый – это Гарри Томас, – сказала Фэйми. – Из отдела расследований.

Серена только что это подтвердила.

– Боже милостивый. Она узнала его имя от медиков?

– Нет, но они с Гарри друзья, Итан. И она уверена, что это он.

– Понял. Отправляй новость.

Фэйми тут же разместила сообщение.

– Это двое – они из наших, Итан. И они сидели рядом друг с другом. Прямо там. – Она ткнула большим пальцем в сторону столов за стеклом. – Пора звонить боссу.

– Согласен. Сейчас наберу ему. И передам в другие информационные бюро, чтобы они придержали несущественные материалы. – Итан ушел, держа телефон у уха.

Все лица британского отдела смотрели на нее. Они уже знали, но Фэйми пришлось сказать это вслух:

– Смерть в Кентиш-Тауне – это Гарри Томас.

Ладони закрывают рты. Руки хватаются за головы.

Зазвонил телефон, и все разом отвернулись от Фэйми. Это был телефон Мэри Лоусон, пронзительно трезвонивший сквозь стекло. Затем второй звонок, и еще один, и еще – пока не стало казаться, что все телефоны в отделе расследований звонят одновременно. Срабатывали автоответчики, но звонки начинались снова. Томми подергал стеклянную дверь.

– Заперто, – сказал он.

Звонили семь телефонов.

Сэм Картер сказал это первым:

– У нас есть данные по другим жертвам?

Хотя Сэм знал, что никакой информации не было, но он должен был спросить. И подтекст был ясен. Черт возьми, это будет долгое утро.

Снова телефон на столе Фэйми.

– Фэйми Мэдден. Слушаю.

На другом конце повисла пауза, а затем звук глубокого вдоха – этого времени хватило, чтобы страх поселился в животе Фэйми.

– Фэйми Мэдден, – повторила она.

Все снова повернулись к Фэйми.

– Это доктор Эдмунд Александр из больницы Университетского колледжа. – Он сделал паузу. Фэйми знала, что подобные звонки всегда заканчиваются одинаково. – Это Информационное бюро?

– Да, – сказала она. – Чем могу помочь?

– Вы знаете Сета Хуссейна?

– Да, он наш коллега. И друг, – быстро добавила она.

Все ее тело напряглось в ожидании.

– Вынужден сообщить вам, что мистер Хуссейн умер несколько минут назад. При нем было служебное удостоверение, в котором указан ваш номер. Обычно мы не звоним на работу, но у нас нет данных о его семье. И в сложившихся обстоятельствах...

У Фэйми голова шла кругом, но она заставила себя ответить:

– Спасибо, доктор Александр. Могу я... Могу я спросить, как он умер?

– Ножевые ранения в живот и грудь. У него не было ни единого шанса. Мы сделали все, что могли. Мне очень жаль, но этого было недостаточно.

Фэйми закрыла глаза.

– Спасибо.

Сет Хуссейн. Самый критически мыслящий и сосредоточенный журналист, с которым она когда-либо сталкивалась. Тихий борец за права человека в своем родном Египте. И последний мужчина, с которым она спала. Конечно, это была ужасная ошибка, но она поддалась на его лесть и приняла ухаживания. Она не знала, кто из коллег мог быть в курсе их отношений. Сет вел себя тихо, сдержанно и вежливо, так что вполне возможно, что никто и не знал. Тридцать восемь лет, харизматичный и выдающийся. И мертвый. Она сморгнула слезы.

– Фэйми? – Это была Софи Арнольд, самая молодая сотрудница бюро. – Кто это был, Фэйми?

– погоди! Я как раз пишу. – Руки ее дрожали.

ЧИСЛО ПОГИБШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АТАК В ЛОНДОНЕ ВОЗРОСЛО ДО ТРЕХ – ИСТОЧНИК В ГОСПИТАЛЕ

– Сет Хуссейн, – сказала она слабым голосом. – Это Сет Хуссейн.

Почему-то все встали. Как будто оставаться на месте было как-то неуважительно. Они смотрели друг на друга, на Фэйми, на экраны телевизоров. Софи закрыла лицо руками.

Снова появился Итан Джеймс.

– Ты в порядке, Фэйми?

– Конечно, я в порядке, черт возьми, – огрызнулась она. – Я дам тебе знать, когда горе станет сильнее меня и я не смогу работать.

Он отпрянул, кивнул и поспешил уйти.

– Достал уже, – пробормотала Фэйми. Кивок от Сэма, еще один от Томми. Она знала, что через какое-то время ей придется извиниться за резкость, но знала также, что Итан никогда бы не подошел с таким вопросом к коллеге-мужчине. Она вздохнула. – Так, это явно закономерность. Нам нужно найти остальных из отдела расследований, потому что...

Томми поднял руку:

– Только что попробовал, Фэйми. Боюсь, никто не ответил.

Она плотно сжала губы. В офисе позади них снова зазвонили телефоны.

Все новостные каналы передавали информацию о лондонских атаках: кадры из Юстона перемежались прямыми включениями из Кентиш-Тауна.

– У канала «Скай» что-то есть! – крикнул чей-то голос.

На закольцованном десятисекундном видео была видна толпа, убегающая подальше от двухэтажного автобуса.

– Это Кингс-Кросс, – сказал Томми, подходя ближе к экрану. – И они выглядят чертовски напуганными.

Новости переключились на прямой эфир: в кадре здание Скотленд-Ярда.

– Звук, пожалуйста! – крикнула Фэйми.

Она села на свое место, и ее пальцы замерли над клавиатурой. Когда заместитель комиссара начала читать заготовленное заявление, Фэйми стала печатать.

– Сегодня произошло нападение на жителей Лондона. – Заместитель комиссара, зажав фуражку под мышкой, посмотрела прямо в объектив камеры, затем снова на свои записи. – Утром, между шестью сорока пятью и семью пятнадцатью, было совершено семь отдельных атак в семи разных частях города.

Фэйми замешкалась, когда услышала про семь атак.

– Семь?! – ахнул Сэм. – Откуда уже семь?!

Фэйми надела наушники и продолжила печатать.

– Мы призываем свидетелей как можно скорее предоставить нам информацию о случившемся и просим не публиковать фотографии или видеозаписи нападений в социальных сетях.

Если у вас есть какие-то документальные свидетельства, пожалуйста, отправьте их в полицию. Мы знаем личности жертв и связываемся с их семьями до того, как будут оглашены какие-либо подробности.

Она знает, подумала Фэйми. Она знает, что они все работают здесь.

Закончив набирать сообщение, она тут же опубликовала его в информационную ленту и только тогда сняла наушники и услышала гул голосов: вся ее команда стояла у нее за спиной, читая новость. Развернувшись в кресле, Фэйми увидела начальника бюро Эндрю Льюиса и двух вооруженных полицейских.

– Господи, все действительно плохо.

4

Эндрю Льюис не просил тишины, но все замолкли. Телевизоры были выключены, разговоры прекращены, телефоны отключены. Ссутулившийся и изможденный, Льюис откашлялся.

– Я... – Он посмотрел под ноги и тяжело вздохнул. – Боюсь, у меня очень плохие новости. – Его голос дрогнул. – Я только что разговаривал с комиссаром Кресвелл из полиции. Они идентифицировали все семь жертв. И... – Он поднял дрожащую руку, чтобы вытереть лоб. Теперь он говорил медленно, каждое слово давалось с трудом. – Они все из наших, друзья мои. Каждый из них. Все. Про Мэри вы уже знаете. А еще...

Фэйми почувствовала, как кто-то схватил ее за руку и крепко сжал.

Эндрю Льюис прерывисто вздохнул.

– Остальные – это Гарри, Сет, Сара, Анита, Сатнам и Брайан.

Каждое имя было ударом молота. Стоны отчаяния и вздохи. Опущенные взгляды. Семеро. Невозможно представить. Фэйми быстро проверила ленту новостей и снова повернулась к начальнику бюро.

– Мы, конечно, и раньше теряли сотрудников, убитых при выполнении долга, – продолжил Льюис. – Во время работы, которую они любили. Но такого дня у нас еще не было. – Он замолчал, собираясь с силами. – Однако, если вы позволите... Горю придется подождать – мы, честно говоря, не знаем, все ли закончилось. Возможно, есть и другие жертвы, о которых мы еще не знаем.

Позади Фэйми кого-то вырвало. От запаха и звуков еще несколько человек быстро выбежали из комнаты.

– Я попрошу начальников отделов связаться со всеми своими сотрудниками, – продолжал Льюис. – С каждым до единого. Полная переключка и немедленно. Обо всех, кого не получится найти в течение пятнадцати минут, сообщайте мне. Кроме того, здание оцеплено, и, боюсь, никому из нас нельзя покидать его. Полиция, как вы видите, уже здесь.

Фэйми уже работала над освещением трагедий, и понимала, как они разворачиваются. Шок, гнев и чувство вины, которые они вызвали, можно – нужно – измерить и зафиксировать. Она осознавала, что часть ее делала это даже сейчас – прислушивалась к мучительному молчанию и сдавленному рыданию коллег, смотрела, как они поддерживают друг друга. Но остальная часть ее была отключена. Слишком ошеломлена, чтобы двигаться. Слишком шокирована, чтобы присоединиться к остальным.

Все семеро погибших работали в отделе расследований – репортеры-следователи, зарубежные корреспонденты, специалисты по технологиям. Их больше нет. Фэйми сидела рядом с ними, шутила с ними, спорила с ними. Долгое время она хотела стать одной из них. Если она выходила за кофе, то приносила и им. Если работала допоздна, могла рассчитывать, что кто-то из них предложит ей холодную пиццу. Несмотря на секретный характер их работы, с ней они были приветливы, и Фэйми наслаждалась их обществом.

Но теперь всё в прошлом.

Фэйми глянула через стекло. Команда отдела расследований сидела за длинным столом: трое по одну сторону, четверо – по другую. Перед каждым монитор, клавиатура и телефон. Никаких тумбочек, папок с документами и лотков для бумаг. Из личных вещей только фотография детей Мэри, новый блок для заметок у монитора Сатнама, шарик офисного пластилина где-то между местом Аниты и Сары. Впервые Фэйми заметила, что стол выглядел так, будто за ним никто и не работал. Чистый, даже стерильный. Никакого сравнения с ее рабочим местом – большинством мест. Команда отдела расследований установила недостижимые стандарты порядка.

– Ты же догадываешься, что на это скажут копы? – Это был Сэм. Он стоял рядом и тоже смотрел на пустые стулья.

Фэйми кивнула.

– Решат, что кто-то специально прибрался. Скрыл улики. Помешал следствию.

– Потому что именно так все и выглядит.

Фэйми удалось улыбнуться.

– Тогда нам придется объяснить, что их кабинет всегда был таким. Эти люди были настолько профессиональными.

– И странными, – добавил Сэм.

– И странными, – согласилась Фэйми, чувствуя, что ноги начинают дрожать.

Экран ее сотового загорелся – четыре пропущенных звонка. Фэйми перезвонила дочери, и та сразу взяла трубку:

– Мама?

– Чарли, я...

С другого конца послышался резкий вздох, а затем всхлипывания.

– Я в порядке, Чарли, – сказала Фэйми, прикрывая микрофон в попытке заглушить шум офиса. – Возможно, мы пробудем здесь какое-то время, но я в порядке.

Наконец ее дочь смогла произнести несколько связных слов.

– Мам, слава богу! Меня разбудили, попросили позвонить тебе и не включать новости.

Но когда я не смогла дозвониться...

– Прости, Чарли, все началось, как только я пришла на работу. – Она вздохнула. – Но как ты узнала...

– В одном посте на «Фейсбуке» опубликовали список имен. Марта увидела их и догадалась...

– В посте?! – Фэйми была раздражена нарушением протокола. – Ну, это плохо, иначе не скажешь.

Она задумалась, как сильно ей хочется, чтобы Чарли была рядом, и дочь догадалась, что означает эта пауза.

– Я приеду домой, – сказала она. – Часам к четырем.

Реакция Фэйми была инстинктивной и решительной.

– Ни в коем случае, Чарли. Мы не знаем, когда нас отпустят домой, здесь вооруженная полиция. Это не безопасно. – Голос ее был напряженным и срывающимся.

– Мам, ты звучишь испуганно.

Фэйми почувствовала, как снова подступили слезы.

– Может быть. Не отдавала себе отчета, но, похоже, так оно и есть. Сегодня мы потеряли семерых, а может, и больше. Есть чего испугаться.

– Семерых? – Это был скорее вздох, чем артикулированный вопрос.

Фэйми закрыла глаза и покачала головой.

– Мы только что узнали...

– Кто... Ты их знала?

Фэйми подозревала, что не должна была – не имела права – об этом рассказывать. Но Чарли ее дочь, и она хотела с ней поделиться.

– Все из отдела расследований, – прошептала она.

– Мам, мне так жаль.

Чарли знала, что мать подавала заявку на работу в отделе расследований. И помнила, в какой та была ярости, получив отказ.

В повисшей тишине Фэйми ждала вопроса, который волновал всех.

– Кто мог это сделать, мам? – едва слышно спросила Чарли.

– Я понятия не имею. Слушай, мне пора. Я позвоню тебе вечером. – Фэйми сбросила звонок.

Сэм поставил перед ней кофе.

– С сахаром.

Фэйми через силу улыбнулась.

Сэм кивнул на телефон:

– Это так ты успокаиваешь дочь?

– Ага, именно, – сказала Фэйми, делая глоток из пластикового стаканчика. – Впечатлен, да?

– Ну, ты ответила на звонок. Ты жива. На месте Чарли я был бы чертовски счастлив.

– Спасибо за кофе.

– Вторая чашка из еще миллиона, что ждет нас этим явно непростым днем.

Фэйми отписалась отцу, сестре и бывшему мужу.

Джейн Хилтон – одна из самых опытных репортеров, модный серый костюм от французского дизайнера и длинные каштановые волосы – встала на стул и заговорила, перекрикивая гул:

– Нам нужно рассказать эту историю, нам нужно вытащить ее за пределы этих стен!

– Этим и заняты! – откликнулся чей-то голос.

Хилтон кивнула.

– Эта ситуация сродни той, что произошли в «Шарли Эбдо» в 2015-м и в «Кэпитал Газетт» в 2018-м¹. Журналисты убиты за то, что они журналисты. Ради Мэри и ее команды мы обязаны рассказать о случившемся всему миру.

Какое позерство, подумала Фэйми.

– Рассказать всему миру? – тихо спросила она. – А чем, по ее мнению, мы все тут занимаемся?

– И о чем именно мы должны рассказать... – согласно пробормотал Сэм.

Фэйми открыла список контактов в телефоне.

– Давайте для начала найдем всех наших. – Она вытащила из ящика помятый лист бумаги и написала на нем имена отсутствующих коллег. – Сэм, я звоню первой пятерке из списка, а ты – второй.

На звонки Фэйми ответили все пятеро, а вот Сэму повезло меньше.

– Нет ответа от Натали и Миры. В обоих случаях включается автоответчик.

– Черт.

Фэйми передала список Эндрю Льюису. Секретарь шефа, похожая на бульдога женщина, отмечала имена в своей распечатке.

– Нам не хватает Натали Ллойд и Миры Илон. – Фэйми заколебалась, но все решила спросить: – Эндрю...

– Пока никакой новой информации, – перебил он ее, даже не дослушав. – Перетти должен позвонить минут через десять, может, он что-то знает. Хотя в Нью-Йорке раннее утро, так что вполне вероятно, у него тоже нет информации.

– Мне нужна цитата, Эндрю, я сегодня выпускающий.

– Ок, пришлю, как будет.

¹ В результате нападения вооруженных исламских боевиков на редакцию «Шарли Эбдо» в Париже 7 января 2015 года погибло 12 человек, ранено 11. Причиной стали карикатуры на ислам и пророка Мухаммеда. 28 июня 2018 года произошла массовая стрельба в офисе «Капитал Газетт» (Аннаполис, штат Мэриленд, США), вооруженный дробовиком преступник убил пятерых сотрудников и ранил двоих. Его конфликт с изданием начался в июле 2011 года, когда обозреватель газеты написал статью о насилии с его стороны. – *Здесь и далее прим. ред.*

Фэйми поспешно вернулась к своему столу. Если дело дошло до Карло Перетти, главы отдела новостей всей корпорации, они, должно быть, опасаются, что агентство стало мишенью для атак по всему миру. На телефоне новые пропущенные – на этот раз из Берлина и Рима.

– Ничто так не напоминает о старых друзьях, как массовое убийство, – пробормотала Фэйми.

5

История, произошедшая 22 мая, была рассказана в серии кадров, которые потрясли мир.

Первая жертва упала недалеко от главного входа на станцию Юстон. Три разных аккаунта в «Твиттере» опубликовали сообщения полные шока и ужаса: пропитанная кровью одежда и изломанное, искривленное тело. Снимок из Кентиш-Тауна «Кофе и кровь» – тело Томаса распластано на ступенях – напечатали на первой полосе вечерней газеты «Ивнинг стандарт». Видео с Сетом: мужчина на переходе сгибается пополам и падает, ползет к бордюру, оставляя кровавый след. Кадры из автобуса 259 были самыми пугающими: немногие агентства решились опубликовать даже снимки практически обезглавленной женщины, – но видео за несколько часов разлетелось по интернету. Почти такой же популярной была зернистая запись из Пимлико: разбегающиеся от входа в метро пассажиры, мужчина и женщина, истекающие кровью на газоне.

К одиннадцати утра, несмотря на призывы полиции, в Сети появился смонтированный ролик с кадрами самого кровавого часа пик в истории Лондона.

Смена Фэйми началась всего три часа назад.

6

К полудню Фэйми уговорили уступить место выпускающего другому редактору. Она хотела доработать до конца смены, но дрожащие руки выдали ее. Она опубликовала пятьдесят три сообщения, и все, кроме одного, были о нападениях на журналистов отдела расследований. Связь между убийствами была установлена быстро, и появление вооруженной полиции у здания «Петерсон АйПиСи» лишь подтвердило подозрения. Заявление Эндрю Льюиса, когда оно наконец появилось, было посвящено поразительной храбрости и профессионализму погибших журналистов. Но в нем не упоминалось, что все они были из одного отдела.

Льюис, лицо которого было бледно-серым и покрыто бисеринками пота, протянул Фэйми руку, когда она наконец встала из-за стола.

– Это было великолепно, Фэйми.

Фэйми коротко пожала руку босса.

– Мы играли в догонялки, Эндрю. Все утро. Это правда. И я лишь делала свою работу, как каждый из нас. Только не предлагай мне гребаную консультацию психолога, и все будет хорошо.

Льюис ухмыльнулся.

– Даже и не думал, что ты согласишься.

Фэйми окинула взглядом редакцию, заполненную журналистами, сотрудниками службы безопасности и полицией.

– Всегда удивлялась, как можно публиковать новости, когда ты сам новость. Ответ оказался: просто берешь и публикуешь.

Она почувствовала, как в затылке начала зарождаться головная боль.

– И знаешь, Эндрю, в кресле выпускающего все было понятно и даже легко. Но теперь все случившееся стало не строками сообщений, а реальностью. И это самое дерьмовое шоу всех времен.

Льюис слегка склонил голову.

– Примерно об этом я и говорил в своем заявлении. Но ты как всегда потрясающе лаконична.

Тут появилась его секретарша и указала на женщину-полицейского, которая ранее выступала с заявлением для прессы. Льюис узнал ее и приветственно помахал рукой.

– Прости, Фэйми, надо идти. И еще раз спасибо за работу.

Она коснулась его руки, останавливая.

– Но все уже закончилось? – спросила она.

Тут же сама поняла, каким глупым получился вопрос, и смутилась. Откуда ему знать? Льюис поник, и на мгновение ей показалось, что он вот-вот заплачет, но вместо этого он пробормотал:

– Мне нужно поговорить с заместителем комиссара. – И ушел вслед за секретаршей.

Фэйми присоединилась к Томми, Сэму и остальным коллегам, чья смена подошла к концу. Они стояли у больших затемненных окон и смотрели на безлюдную площадь перед зданием. Станция метро «Канэри-Уорф» все еще была закрыта, кафе пустовали.

– Им придется нас выпустить, – сказал Сэм. – Каким бы ни был уровень угрозы, мы не можем сидеть здесь вечно.

– Дышать уже нечем, – заметил Томми.

Тут Фэйми осознала, насколько сильно вспотела.

– Но вряд ли они смогут проводить каждого до дома, – сказал Сэм. – Так что, возможно, нам придется ночевать здесь.

Фэйми закрыла глаза и прижалась лбом к стеклу. Живот свело.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – прошептал Сэм.

– Уверена, что знаешь, Шерлок, – тихо ответила она и вздохнула. Конечно, он знал. Но все равно решила сказать вслух: – Я так разозлилась, когда меня не взяли в их команду... Я соответствовала всем их требованиям. У меня был Пакистан, у меня был Ирак, преступления...

– Но чего-то им не хватило. И слава богу.

– Я каждый день думала об этом, Сэм. Каждый день.

Фэйми подумала о Чарли и фотографии десятилетней давности, на которой она бежит вдоль прибоя в Корнуолле. Соломенная шляпа. Сине-белый купальник, который дочь обожала. Это был хороший отпуск. Она впервые за долгое время вспомнила о родителях: как они хотели приехать и помочь, когда Джим ушел, но она отказалась, решив, что справится сама.

Какая же я эгоистичная свинья, подумала Фэйми.

Затем в памяти вновь всплыли кадры из «Твиттера» и «Ютуба». Кровь Сета на дороге. Белые полосы пешеходного перехода и красная кровь Сета Хуссейна. Фэйми боролась с тошнотой, прижавшись лбом к холодному стеклу.

В общем гуле голосов слышались громкие возгласы Джейн Хилтон. Фэйми, Сэм и Томми повернулись на звук. Стоя перед камерой, Джейн отвечала на вопросы какого-то невидимого телеведущего.

– Конечно, потрясены и опустошены, – говорила она. – Журналисты, которых мы сегодня потеряли, были одними из лучших.

Фэйми пробормотала:

– Держу пари, она даже не знает, как их зовут.

Хилтон кивнула на вопрос ведущего и убрала за ухо выпавшую прядь волос.

– Еще рано делать какие-то выводы. Пока мы только оплакиваем наших погибших коллег.

– Господи, ну что за чушь, – фыркнула Фэйми. – Скажи, как тебе грустно, и свали уже.

Томми улыбнулся.

– Слишком громко, Фэйм. Народ уже поглядывает в нашу сторону.

– Да сколько угодно.

Эндрю Льюис вернулся в офис вместе с начальником полиции и его заместительницей.

– Ну, начинается, – сказал Сэм и похлопал Фэйми по плечу.

Льюис и заместитель комиссара Кресвелл вышли в центр комнаты, и через несколько секунд наступила полная тишина. Журналисты поднялись со своих мест, некоторые даже забрались на стулья. Линкольн Джефферс, занимавший кресло выпускающего, огляделся и тоже встал.

Кресвелл сделала шаг вперед. Около сорока лет, короткие волосы с проседью, широкие плечи. Она обвела взглядом комнату.

– Для начала я должна сказать, что эти слова предназначены только для вас. – Голос громкий, но ровно настолько, чтобы было слышно в дальнем конце редакции. Классический британский английский. – Я буду говорить с прессой – остальной прессой, – когда выйду отсюда, но вы имеете право знать больше. Мы полагаем, что семь ваших коллег были целенаправленно убиты семью разными людьми, работавшими вместе. У нас пока нет изображений нападавших, но у нас есть свидетельства очевидцев, и, уверена, вскоре мы получим кадры с камер видеонаблюдения и, возможно, с видеорегистраторов. Само собой, материалы, над которыми работали убитые, будут изучены нами в ближайшее время. Прошу вас учесть, что их офис – это место преступления. Как вы, должно быть, заметили, он уже опечатан.

Как по команде большинство голов повернулось к стеклянным дверям отдела расследований – желтая полицейская лента крест-накрест перечерчивала проем. Внутри ничего не изменилось: фотография, блок для заметок, компьютеры, шарик пластилина – натюрморт трагедии. Интересно, какие секреты найдутся на жестких дисках, подумала Фэйми.

– Возможно, кто-то из вас обсуждал работу с убитыми коллегами, – продолжила полицейский. – Если вы можете нам о чем-то сообщить, пожалуйста, сделайте это. Если вы хотите поговорить конфиденциально, я оставлю визитки с моим номером и адресом почты.

Фэйми почувствовала, как внутри у нее все перевернулось. Она слышала тысячу заявлений полиции. Они были рутинными, шаблонными и формальными: вот что мы знаем, вот что мы хотели бы знать, вот как вы можете нам помочь. Но совсем другое дело, когда таким образом говорят о смерти друзей. Журналистов часто называют бессердечными, но сейчас многие с трудом сдерживали слезы. И вопросы. Но все-таки профессия брала свое, и прорыв плотины тишины был неизбежен. Первой не выдержала Джейн Хилтон, спровоцировав наводнение.

– Мы здесь в безопасности?

– Мы можем вернуться домой?

– Убийства прекратились?

– Кто, по вашему мнению, несет ответственность за убийства?

– Почему вы считаете случившееся терактом?

– Причина в их работе?

Льюис попытался восстановить хоть какой-то порядок, но заместитель комиссара кивком головы дала понять, что не против вопросов.

– Постараюсь ответить на некоторые вопросы. Убили ли их из-за работы? Скорее всего. Прекратились ли убийства? Мы думаем, что да, но не можем быть уверены. Безопасно ли находиться здесь или дома? – Кресвелл впервые заколебалась, прежде чем ответить. – Если честно, я не могу сказать, что вы в безопасности. Пока мы не узнаем, кто совершил эти атаки и почему, угроза сохраняется.

7

– Готовы?

– Конечно, мы готовы, Томми, – сказала Фэйми. – Давай без драмы.

– Пойдемте уже. – Сэм перекинул через плечо небольшой рюкзак.

Мраморный вестибюль офиса «АйПиСи» – элегантный, с изогнутой лестницей, угловой стойкой ресепшн и огромными экранами – был заполнен сотрудниками. Многие негромко и нервно разговаривали по телефону. Не было ни толкотни, ни спешки к выходу, просто сто девяносто два журналиста, боявшиеся возвращаться домой, ждали, когда разблокируют двери.

– Вам не показалось, что Кресвелл сказала не совсем то, что собиралась? – спросил Сэм.

– Такого заявления от нее, конечно, не ожидали, – согласился Томми. – От полицейских ждешь больше уверенности и заверений, что все под контролем.

– Ага, если еще знать, что контролировать, – хмыкнула Фэйми.

– Мы не обязаны уходить, – напомнил Сэм. – Льюис сказал, что можно остаться. Они принесут постельное белье и все такое.

Томми пожал плечами:

– Уверен, те немногие, кто принял его предложение, отлично проведут тут время. Нам же предстоит рискнуть своими жизнями на новом Диком Западе.

Полицейские с автоматами стояли наготове сразу за вращающимися дверьми здания, готовые к массовому исходу.

– По крайней мере, до метро путь безопасен, – пробормотал Сэм. – Фэйми, ты точно решила добираться своим ходом?

Всем сотрудникам предложили отправиться домой на такси – и сотни черных кебов уже ждали пассажиров.

– Предложение, конечно, заманчивое, но какой в этом смысл? – ответила Фэйми. – Сегодня вечером мы вернемся домой, а завтра? А послезавтра? Полицейские сейчас повсюду, и метро снова открыто – дома мы точно окажемся быстрее, чем на машине. Да и выслушивать рассуждения таксиста о произошедшем я сейчас не готова.

Сэм рассмеялся:

– С этим не поспоришь.

По сути, им предложили три варианта: остаться в офисе, уехать на такси или передвигаться группами. Сэм, Томми и Фэйми жили на северо-востоке Лондона и собрались поехать вместе. Сэм и Томми решили, что они проводят Фэйми до дома, а потом Томми останется у Сэма. Даже в колледже Фэйми не любила все эти провожания до дверей, но сегодня спорить не стала.

– Снимите бейджики! – крикнул кто-то от входа, и несколько сотрудников поспешно сняли с шеи свидетельство своей работы в «АйПиСи». Фэйми заранее убрала пропуск в сумку, а Томми в задний карман брюк.

Стеклянные двери начали вращаться, и толпа двинулась вперед. Полицейские контролировали каждый их шаг. Сотни, тысячи раз все эти люди не задумываясь проходили через стеклянные двери офиса. Но сегодня это «последние новости» – гигантский экран за спинами показывал кадры прямого эфира: суемящиеся люди, разъезжающиеся такси.

Наконец Томми, Фэйми и Сэм добрались до выхода. Полицейский указал им налево:

– Такси за углом, пожалуйста, поторопитесь.

– Мы на метро, спасибо. – Фэйми повернула направо.

Оказалось, многие предпочли метро. По ее подсчетам, еще человек двадцать пошли с ними в одну сторону. У входа на станцию стояли шестеро полицейских, кивками приветствовавших журналистов.

– Мне нужно выпить, – сказал Сэм.

– Тебе нужно домой, – ответила Фэйми.

На эскалаторе Томми повернулся к своим коллегам:

– Прямой вопрос: вам страшно? И как вы думаете, мы рискуем?

– Да! – Сэм и Фэйми произнесли это одновременно.

– Немного, – добавил Фэйми, – но не очень.

– Значит, рискуем, но не очень?.. – задумчиво переспросил Томми.

На платформе их ждали еще двое полицейских. Когда подъехал пустой поезд, все сотрудники «АйПиСи» сели в один вагон.

– Мы рискуем, но все мы здесь, – сказала Фэйми, кивая в сторону коллег.

Полицейские зашли вслед за ними в вагон, и только тогда двери закрылись.

Одна из женщин повернулась к офицерам:

– Мы все из «АйПиСи».

– Мы знаем, – ответил один из них и закрыл вентиляционное окно. – Поезд следовал без остановок до этой станции. Особое распоряжение. – Он поправил фуражку. – И мы сожалеем о вашей потере.

Журналисты склонили головы в знак благодарности.

– До какой станции поедет поезд? – раздался другой голос.

– Пока вы все не выйдете.

– Кто куда едет? – спросил второй офицер.

Большинству надо было до «Ватерлоо» и «Грин-парка», самая дальняя станция – «Бейкер-стрит».

– Значит, едем до «Бейкер-стрит».

Поезд подъехал на «Канада-Уотер», но платформа была пуста. Двери открылись и закрылись.

– Что вы слышали о случившемся? – спросил Томми.

Полицейские обменялись быстрыми неуверенными взглядами.

– Я сейчас не как журналист спрашиваю, – добавил Томми. – Никто не будет вас цитировать.

Старший из офицеров, бородатый и коренастый, пожал плечами:

– Мы в таком же неведении, как и вы. Нам по рангу не положено что-то знать.

Теперь пожал плечами Томми:

– Значит, никто из нас ни черта не знает.

На платформе станции «Лондон-бридж» было многолюдно. Фэйми, как и большинство ее коллег, не могла отвести взгляд от ожидающих пассажиров. Обычная толпа – офисные работники со стаканчиками кофе в руках, туристы с картами, – ожидающая поезд. Фэйми затаила дыхание, когда двери вагона открылись, и с сожалением подумала, что зря отказалась от такси. Коренастый полицейский прошел в середину вагона – явно специально, чтобы его заметили. Это ее немного успокоило.

В их вагон зашло человек десять. Большинство тут же устроилось на свободных сиденьях, но некоторые остались стоять. Изможденная женщина лет шестидесяти с рюкзаком на спине и большими наушниками на голове обеими руками держалась за поручень буквально в паре метров от Фэйми.

Сэм ее тоже заметил.

– Почему она не садится? – прошептал он. – Полно же мест.

Фэйми улыбнулась.

– Спасибо, – сказала она и, поймав его недоуменный взгляд, добавила: – Я думала, это только я такая нервная. Похоже, у нас новый повод для паранойи: «Странные люди в метро».

Сэм прыснул и смущенно зажал рот рукой, а затем присоединился к смеху коллег, услышавших слова Фэйми. Женщина, не заметившая всеобщего внимания, стояла, глядя в пол.

На подъезде к станции «Грин-парк» Фэйми, Сэм и Томми встали, помахали коллегам и пошли к дверям. Фэйми поймала свое отражение в стекле и отвернулась. Вид ее полностью отражал ее состояние – опустошенность. За очками не было видно кругов под глазами, но в ярком свете была заметна каждая морщинка и каждый изъяз кожи.

– Так жить нельзя, – сказала она.

В мрачном молчании они переходили на другую станцию. Фэйми решила, что с нее хватит.

– Слушайте, не надо меня провожать. Идите домой.

Сэм и Томми не двинулись с места.

– Еще чего придумала, – резко ответил Сэм. – Мы придерживаемся плана и доставим тебя до дверей.

– Как будто ты пицца, – усмехнулся Томми.

– Спасибо, обязательно оставлю вам чаевые.

Поезд линии «Пикадилли» был на удивление тихим. Они сели на соседние места, и Сэм огляделся. Ближайший пассажир находился на другом конце вагона и, похоже, спал.

– Итак, – сказал Сэм максимально тихим голосом, – над чем они работали? Наши. Расследователи. Вы что-то знаете?

Томми медленно покачал головой:

– Я без понятия. Честно говоря, никто из них со мной не общался.

Тогда мужчины посмотрели на Фэйми. Она закусил губу.

– Я пыталась вспомнить. Мэри что-то вскользь упоминала о масштабном расследовании и что все они побросали остальные дела ради него. – Она посмотрела на друзей и пожалала плечами. – Но это всё. Вы же знаете, расследователи никогда не говорят, над чем работают. Так что не удивлюсь, если окажется, что никто ничего не знает.

Спящий мужчина вздрогнул и выпрямился. Друзья молча смотрели на него. Он снова провалился в сон.

– Вот это мы нервные, – заметил Томми. – Дергаемся даже из-за какого-то мужика в метро.

– Так мы и должны быть аккуратными и настороженными. Особенно в метро, – сказал Сэм. – Пока мы не узнаем, кто убийцы, подозревать надо любого.

– Какая жизнь нас ожидает... – простила Фэйми. Голова вдруг снова разболелась. Теперь ей хотелось только одного – поскорее оказаться дома. – Простите, – сказала она, – но сейчас мне это необходимо. – Она выудила из сумки наушники и включила музыку на телефоне. Сэм и Томми наверняка в удивлении вскинули брови, но ей было все равно. Глаза закрыты. Время «Волшебной флейты». Несколько коротких мгновений покоя, и она почувствовала, как ее дергают за рукав. Поезд замедлял ход.

– Наша остановка, – громко сказал Сэм.

Фэйми кивнула:

– Я тебя слышу. А еще я слышу Моцарта, и он побеждает.

Двери открылись, и они вышли из вагона.

– Моцарт не проводит тебя домой, – сказал Сэм.

Фэйми, понимая, что ведет себя некрасиво, сняла наушники.

– Извини, привычка.

– Тебе хоть полегчало? – спросил Сэм.

– Не знаю.

Путь к дому Фэйми лежал через парк. У входа был припаркован розово-белый фургон с мороженым, продавец читал газету и даже не поднял на них взгляд. Фэйми же, проходя мимо, ускорила шаг.

– Боже, даже мороженщик кажется мне подозрительным. Это очень плохо...

За исключением нескольких собаководов и спящего бродяги на скамейке в парке никого не было.

– На удивление пусто, – заметил Томми с плохо скрываемой ноткой тревоги.

– Я редко бываю здесь днем, – отозвалась Фэйми, – но ты прав. Как-то безлюдно.

– В плохом смысле? – спросил Сэм, не понимая, к чему клонит Фэйми. – Пойдем другим маршрутом?

Открытое пространство парка казалось вполне безопасным, но Фэйми колебалась. Даже в компании друзей она чувствовала себя уязвимой и незащищенной. Она подавила желание снова надеть наушники. Шесть собак, четыре собачника и бродяга – вряд ли это декорации к «Бандам Нью-Йорка».

– Вперед! – решила она. – Джин-тоник ждут нас через десять минут.

Быстром шагом они шли по центральной аллее, оглядываясь по сторонам. Запах свежескошенной травы перемешивался с вонью переполненных мусорных урн. Банановые шкурки, подгузники, полупустые кофейные стаканчики. Дорожка плавно шла вниз, переходя в поляну для пикника, а потом круто поднималась к изысканным кованым воротам в викторианском стиле. Мужчина с ретривером наклонился, чтобы убрать за псом. Второй собачник – с двумя спаниелями – остановился поговорить с хозяином волкодава. Бродяга чистил яблоко. Женщина с тремя собаками прогуливалась вдоль забора парка.

Что-то не так. Фэйми резко остановилась, сердце колотилось. Что-то точно не так. Она еще раз оглядела людей в парке. Сэм тоже насторожился.

– С чего это бомж решил почистить яблоко? – спросил он настойчивым шепотом.

– С того, что у него есть нож... – ответила Фэйми.

8

– Разворачиваемся? – Фэйми нерешительно посмотрела на Сэма и Томми.

Человек на скамейке теперь сидел прямо, зажав между колен пакет.

– Что ты видишь? – спросил Сэм.

Томми поднял телефон и начал снимать.

– Я вижу бородатого белого мужчину, за сорок, сутулый. Он чистит ножом яблоко, скидывая шкурки в пакет. Нож, возможно, перочинный. Лезвие сантиметров пять. Мы можем обойти его, – сказал Томми на удивление спокойным голосом. – Я продолжу снимать. И нас трое. Может быть, он вообще не бомж. Может, мужик просто решил съесть свой ланч на свежем воздухе.

Фэйми еще раз осмотрела парк. Первый собачник выбрасывал мешочек с какашками, второй и третий все еще болтали в нескольких метрах от мужчины с яблоком, женщина с тремя собаками разговаривала по телефону.

– Хорошо, – решила она. – Давайте обойдем его.

Они пошли через газон, обходя скамейку примерно за двадцать метров. Мужчина поднял на них взгляд. Томми продолжал снимать.

– Кажется, мы его разозлили, – заметил он.

Фэйми и сама уже это поняла. Мужчина отложил пакет и яблоко, но нож оставался в руках.

– Перестаньте снимать меня! – крикнул он.

Европеец, подумала Фэйми, скорее всего, Центральная Европа. Может, Польша.

– Уберите нож! – крикнул Томми, не останавливаясь.

Мужчина, казалось, задумался на мгновение, затем покачал головой и медленно поднялся со скамейки. Нож зажат в руке.

Фэйми подошла ближе к Сэму:

– Я звоню в полицию.

Но как только она достала телефон, мужчина направил на нее нож и обругал непонятными, но явно гневными словами. Второй и третий собачники прекратили разговор и направились к ним. Хозяин ретривера обходил их сзади.

– Черт, это ловушка! – прошипела Фэйми.

– Продолжай снимать, Томми! – крикнул Сэм. – Фэйми, а ты звони!

Четвертая женщина привязала лающих собак и бегом направилась к ним.

– Побежали! – крикнул Томми.

Они повернулись и помчались к выходу из парка, повалив на асфальт мужчину с ретривером.

– Полиция! – на бегу кричала Фэйми в телефон. – Вооруженное нападение в парке Арнос. Меня зовут Фэйми Мэдден. Я работаю в «АйПиСи». Мы пытаемся убежать!

– Не оглядывайтесь! – крикнул Сэм, и Томми тут же оглянулся.

Человек с ножом бежал за ними.

– Вперед! Быстрее! – крикнул Томми, и по панике в его голосе было понятно, что их преследуют.

Они притормозили, протискиваясь в ворота, и мельком увидели приближающегося убийцу, а за его спиной сутулящегося прохожего, помогающего собачнику, которого они сбили с ног. Не сговариваясь, они побежали обратно к станции метро – все же там полицейские, контроль и порядок. Фэйми тяжело дышала, в голове звенело, но она слышала далекий вой сирен. Они добежали до дороги и были вынуждены остановиться – поток машин заполнил обе полосы.

Мужчина с ножом выбежал из парка и теперь приближался к ним на спринтерской скорости.

У нас нет выбора, подумала Фэйми и шагнула на дорогу. Она побежала вдоль обочины, размахивая руками. И в конце концов ей удалось привлечь внимание водителя красной «Тойоты» – женщина вздрогнула и сжала руль. Фэйми бросилась перед машиной. Она заметила испуганный взгляд и резкий поворот руля – женщина подалась вправо, протаранив заднюю дверь встречной машины. Обе машины со скрежетом остановились и тут же содрогнулись от ударов машин, врезавшихся в них сзади.

Фэйми быстро пробралась через машины, перепрыгнула через турникет метро и через пять ступенек побежала по эскалатору. Поезд приближался. Счет шел на секунды.

Томми и Сэм не отставали – она слышала их проклятия. Но отстал ли преследователь – она не знала.

Фэйми влетела в поезд, когда двери уже начали закрываться, придерживая их для Сэма и Томми. Оказавшись в вагоне, Томми повалился на пол. Она смотрела на платформу в поисках мужчины с ножом, но он так и не появился.

Мокрые от пота и со сбитым дыханием, они долго не могли отдышаться и заговорить.

– Слава богу, мы живы, Фэйми, – только и смог сказать Томми.

Они проехали три остановки до конца ветки и поймали такси. У дома Фэйми их ждали шесть полицейских машин.

9

ПРЕЗИДЕНТ США
НАЗВАЛ НАПАДЕНИЯ В ЛОНДОНЕ
«ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА НАШИ УСТОИ И ЦЕННОСТИ»

ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦИИ
ПРИЗЫВАЕТ «СВОБОДОЛЮБИВЫЕ СТРАНЫ»
ОБЪЕДИНИТЬСЯ ПРОТИВ ЛОНДОНСКИХ АТАК

КАНЦЛЕР ГЕРМАНИИ
ПРИЗЫВАЕТ К СПОКОЙСТВИЮ
ПОСЛЕ ЛОНДОНСКИХ АТАК

Полицейские уехали только через три часа. Они взяли показания у Фэйми, Томми и Сэма. Оказалось, им удалось задержать мужчину с ножом, но собачники исчезли. Кроме того, они пообещали «на некоторое время» оставить патруль у дома Фэйми.

Когда Фэйми включила «Реквием» Моцарта, Томми и Сэм решили, что им пора домой.
– На сегодня с меня достаточно смерти, – сказал Сэм, и хозяйка проводила их до двери.

Фэйми обнаружила, что дома нет никакой еды, но ей не хотелось договариваться с полицейскими, чтобы они пропустили курьера с доставкой. Она сделала тост и прибавила громкость «Дня гнева», так что почувствовала, как барабаны и виолончели вибрируют в ее костях. Третья – или это была четвертая? – порция джина проникала в ее разбитое тело, а сокрушительная неотвратимость музыки проникала в самое сердце. Волны печали захлестнули ее. Фэйми устроилась на диване. Сет мертв. Мэри мертва. Они все мертвы. Она закрыла глаза и, несмотря на Моцарта, несмотря на горе, заснула.

Ее разбудил громкий стук в дверь. Фэйми вскочила на ноги, сердце колотилось, голова кружилась. Образы ножей, кровавых следов и пешеходных переходов быстро улетучились. На улице было уже темно. Комнату освещали только уличные фонари, но их света было достаточно, чтобы добраться до окна и ни во что не врезаться. Фэйми посмотрела на улицу из окна второго этажа: полицейская машина была на месте, в ней горел свет, один из офицеров разговаривал по рации. Они знали, что кто-то стоит у нее под дверью? Она глянула на телефон: 22:20 и шестнадцать пропущенных звонков. Черт! Энергичный стук заставил Фэйми подпрыгнуть на месте. Либо это соседи, либо кто-то проскочил под носом у полиции. Гости к ней раньше не заходили, но и в новостях ее до этого не показывали.

Задернув шторы в гостиной, Фэйми подошла к входной двери. Она тяжело сглотнула и уже собиралась посмотреть в глазок, как услышала мужской голос:

– Мисс Мэдден, это констебль Грантли. Мы не смогли до вас дозвониться. Здесь девушка, которая уверяет, что она ваша дочь.

Тихо охнув, она посмотрела в глазок. За спиной полицейского маячила знакомая кудрявая голова. Фэйми открыла дверь и, поддавшись эмоциям, обняла дочь.

– Я же тебе сказала, что не надо приходить!

– Но я знала, что смысл слов был противоположный, – парировала Чарли, с трудом высвобождаясь из объятий.

Мать и дочь поблагодарили констебля Грантли, и тот ушел вниз по лестнице.

Фэйми усадила Чарли на диван.

– Я принесу тебе чаю, – сказала она. – Или джин, если хочешь. А лучше и то, и то!

Чарли похлопала по дивану рядом с собой:

– Садись, мам, и давай поговорим. Напитаться я уже в поезде успела. Так что время для разговоров.

Чарли попыталась улыбнуться. Бабушка сказала бы, что это «хорошая мина при плохой игре», но мать ей не обмануть. Фэйми не сразу почувствовала запах алкоголя, но вот запах табака в волосах и дрожащие руки заметила. Страх волнами исходил от Чарли.

Они разговаривали, держась за руки, пока голос Фэйми не стал хриплым от усталости. Чарли проводила мать в постель, а сама устроилась в старой детской, улыбнувшись знакомому скрипу кровати. Обе женщины заснули через несколько минут.

10

Среда 23 мая, 06:05

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НАЗВАЛ ЛОНДОНСКИЕ АТАКИ
«ВОПИЮЩИМ НАПАДЕНИЕМ НА НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ»
«ВЕЛИКОБРИТАНИЯ – СТРАНА,
ОБЪЕДИНИВШАЯСЯ ПРОТИВ ТЕРРОРА»

«МЫ БУДЕМ ДОБИВАТЬСЯ ПРАВОСУДИЯ»

ЛОНДОН, 23 мая (АйПиСи) – «Великобритания – это страна, объединившаяся против террора», – сказал британский премьер-министр по поводу многочисленных убийств, произошедших в Лондоне во вторник.

«Оплакав погибших, мы будем добиваться правосудия в отношении убийц, совершивших это злодеяние», – сказал он репортерам.

Фэйми разбудили похмелье и телефон. Она отключила будильник и отправилась на поиски обезболивающего. Толкнула дверь гостиной и тут же отшатнулась от яркого дневного света.

– Привет, мам! – Из сияния появилась Чарли. – Констебль Грантли только что заходил. Фэйми застыла на месте, прикрыв глаза рукой.

– Уже утро? Я же легла всего на пять минут.

Фэйми почувствовала, как дочь взяла ее под локоть и повела на кухню.

– Парацетамол, – пробормотала она, устраиваясь на стуле. – Нурофен. Аспирин. Таблетки в банке из-под печенья. Шкафчик над микроволновкой.

В одной руке появились две таблетки, во второй – стакан с водой.

– Ох, спасибо. Мне кажется или пахнет кофе?

– Справа от тебя, – сказала Чарли, усаживаясь на другой стул. – Констебль сказал, что бродяга с ножом оказался просто бродягой с перочинным ножом.

– Да?..

– Они так решили.

– А собачники? Только не говори...

– Ага, просто собачники. Ну, по крайней мере, двое из них. Они сами связались с полицией, когда узнали, что произошло в парке.

Фэйми вздохнула и отпила кофе.

– Полицейские, должно быть, думают, что я идиотка. Съехала с катушек.

Она почувствовала, как горячая жидкость обжигает желудок.

– Ну не знаю. Говорил он будто бы с пониманием.

Фэйми медленно покачала головой:

– Тебе-то он, может, и сочувствует, но меня точно считает идиоткой. – Фэйми сделала еще глоток кофе и посмотрела на дочь. – Ты куда-то собралась?

Чарли отмахнулась:

– Да я спала в одежде. И вообще, может мне хотелось принарядиться для констебля Грантли.

Фэйми улыбнулась шутке дочери:

– Уверена, что он оценил. Мятая футболка с символикой университета – отличный выбор.

Улыбка Чарли быстро померкла.

– Ты же сегодня не поедешь на работу? – В словах угадывались и вопрос, и просьба. Фэйми потянулась к турке, подлила кофе себе и предложила дочери, но та отказалась.

– Во мне уже литр кофе, спасибо. Мам, ты не ответила на вопрос.

– Литр? – переспросила Фэйми. – Ты давно встала?

– В пять, – раздраженно ответила Чарли. – Когда начал жужжать телефон. Твой, кстати, тоже.

Фэйми потянулась за своим телефоном, который заряжался на столе рядом с ней, но Чарли прикрыла его рукой.

– Мам, скажи мне, что ты не поедешь на работу! Что бы там ни было в этих сообщениях. Я здесь не только для того, чтобы готовить тебе завтрак! Скажи, что не поедешь.

Фэйми выдавила улыбку:

– Ну я скорее должна сказать, что все должно быть как обычно, что нельзя позволять террористам нас испугать, что жизнь продолжается...

– Чушь! И ты сама это знаешь. Так что скажи мне, что ты сидишь дома.

Фэйми сдалась.

– Ладно, ладно, на работу я не поеду. Жизнь, по-видимому, не продолжается.

– Верное решение.

Довольная собой Чарли отдала матери телефон и сунула хлеб в тостер.

Фэйми открыла сообщения: от Сэма, от Томми и большей части ее команды, приглашение в чат в «Ватсапе», письма от руководства «АйПиСи» и от отдела кадров – офис работает, но присутствие сотрудников не обязательно.

– Ну, логично, – сказала Фэйми вслух. Чарли посмотрела на мать, но ничего не сказала.

Телефон Фэйми завибрировал, но она решила сперва допить кофе. Уютный завтрак с дочерью неплохо помогал отгородиться от остального мира.

– Как учеба? – спросила она.

– Прекрасно, – ответила Чарли, протягивая ей тост с маслом. – Ладно уж, читай, что там тебе написали.

Фэйми взяла телефон. Письмо от Итана Джеймса из отдела новостей Европы и Ближнего Востока. Она прочитала его дважды. Оно было лаконичным. Оно было душераздирающим. Фэйми закрыла глаза, крепко сжала телефон в руках и сделала глубокий вдох.

– Чарли, пойдешь на похороны?

До этого Фэйми была на шести похоронах: матери, двух бабушек и дедушки, старого школьного друга и коллеги-журналиста. Рак (дважды), деменция, сердечный приступ, передозировка и мина. Каждый раз это было невыносимо, каждый раз ее охватывал гнев на несправедливую судьбу и собственное бессилие. И вот теперь она стояла в последнем ряду переполненной мечети Палмерс-Грин, и в душе ее бушевала ярость. Обстановка была другой, ее скромное платье и шляпка были другими, но чувства были теми же. Закрыв глаза, она взяла Чарли за руку.

Сету Хуссейну удавалось сочетать человеческую мягкость с упертостью журналиста-расследователя, и коллеги им восхищались – собравшаяся толпа была тому подтверждением. Для Фэйми он сперва был верным другом, а потом преданным, хотя и немногословным любовником. Он был добрым и красивым. А потом какой-то маньяк с ножом забрал его жизнь.

Фэйми подумала, что похороны сливаются для нее воедино. Она горевала не только о Сете, но и обо всех остальных, кого потеряла. Слишком много незавершенных дел, слишком много людей, по которым она скучала. Фэйми с трудом заставила себя посмотреть на гроб. В ее памяти было много прекрасных образов Сета, и ей не хотелось, чтобы их омрачила его смерть.

Она окинула взглядом мечеть. Пришли почти все коллеги. Томми поймал ее взгляд и кивнул. Юная Софи Арнольд перестаралась с головным убором и почти исчезла в серой вуали.

Итан Джеймс нервно рассматривал свои ногти. Эндрю Льюис сидел рядом с заместителем комиссара, руки у него тряслись, а щеки впали. Фэйми подумала, что выглядит он совсем фигово.

Первые несколько рядов были заняты мужчинами в традиционных арабских платках и халатах. А на богато украшенном стуле рядом с гробом сидел мужчина лет тридцати. Черный костюм, округлые плечи, чисто выбрит, длинные черные волосы собраны в пучок. И ему явно было неуютно. Фэйми сразу поняла, что это Амаль – брат Сета, хотя никакого сходства между ними не было. В последние годы братья почти не общались, но у Сета было несколько старых фотографий. Мужчина в кресле заерзал и огляделся по сторонам, кивнул кому-то в первом ряду. Фэйми посмотрела на свои туфли. Если Амаль проверяет, кто пришел на похороны его брата, она предпочла бы остаться незамеченной.

Чарли наклонилась к матери.

– Жизнь – это страдание, ваше высочество, – тихо сказала она. – Любой, кто говорит иначе...

– ...пытается вам что-то продать. – Фэйми закончила фразу за дочь и улыбнулась.

Хорошо, что Чарли сейчас рядом. Они часто цитировали эту строчку из фильма «Принцесса-невеста». Фэйми кивнула на имама в его одеянии и прошептала на ухо дочери:

– Думаешь, он тоже что-то продает?

– Конечно, ваше высочество. Если хочешь, можем уйти.

Фэйми ненадолго задумалась, не будет ли это расценено как неуважение. Может, надо остаться до конца, подойти к Амалю и выразить соболезнования. Может и надо, но сейчас ей было наплевать на вежливость. Фэйми с благодарностью кивнула Чарли, и они тихонько вышли из мечети. За дверьми ждали полицейские и журналисты, сверкнуло несколько вспышек.

– В паб! – Фэйми наконец-то смогла вздохнуть полной грудью.

Чарли остановила проезжающее такси. Отъехав достаточно далеко от мечети, они попросили водителя остановиться у небольшого ресторанчика.

– Вот здесь мы закончим прощание с Сетом, – решила Фэйми.

Они устроились за столиком напротив друг друга и заказали белое вино, кофе, пиццу, салат, картофель фри, тосты и чизкейк. Фэйми разлила вино и подняла свой бокал.

– Сет предпочел бы такие поминки! – сказала она. – С каким-то дерьмовым винишком, которое можно пить только в прекрасной компании.

Бокал Чарли поднялся навстречу бокалу Фэйми.

– Тогда за Сета, – сказала она, не сводя глаз с матери. – Вы же нередко проводили вечера за вином?

Фэйми кивнула:

– Бывало.

– Он был для тебя больше чем друг?

Фэйми вздохнула, затем улыбнулась.

– Конечно, больше.

– Мам, мне так жаль.

Фэйми снова улыбнулась.

– Все уже давно закончилось. Но мы отлично проводили время.

– Ты из-за этого так неуютно себя чувствовала на похоронах? – спросила Чарли.

Фэйми откусила кусочек пиццы и сделала глоток вина.

– Я пришла. Надела подходящую одежду. Не жаловалась на патриархат.

Чарли засмеялась.

– Не поспоришь. Ты знала его брата?

Фэйми отрицательно помотала головой:

– Сет мало о нем говорил, только то, что они очень разные. Я иногда спрашивала о нем, но так ничего и не узнала. Так, одного мы помянули, но впереди еще шесть.

Чарли выглядела озадаченной.

– Ты собираешься на все похороны?

– Да, – решительно сказал Фэйми. – Там, в мечети, я поняла, что прощаюсь не просто с другом. Если я во что-то и верю, так это в то, что журналисты должны работать без страха. И если какие-то кровожадные ублюдки хотят нам помешать, то самое меньшее, что я могу сделать, – это встать на сторону таких, как я. Мы должны держаться вместе. Так что, да, я собираюсь на все похороны.

Чарли явно впечатлила ее речь.

– Я так горжусь тобой, мам! Вот только мне надо возвращаться в университет, и я с тобой пойти не смогу...

– Все в порядке. Ты и не должна. Они не были твоими коллегами. – Фэйми съела последний кусок пиццы. – В любом случае, ни с кем из них я не спала, так что будет полегче.

11

В сотне километров на северо-запад от ресторана, где сидела Фэйми, над пишущей машинкой склонился студент. Культовая модель «Бразер Дэ Люкс» 1966 года в бледно-голубом корпусе, с красной и черной лентой и белыми клавишами с черными буквами. Функционально, эффективно, надежно. Буквы О и I выглядели потертыми, а буква S почти исчезла, но остальная клавиатура была почти новой. Руки студента потели, и он вытирал их о шорты.

Чердак был крошечным – никакого воздуха и невероятная жара. Хрупкий пол делал любые движения чрезвычайно опасными: один неверный шаг, и он провалится на четыре метра вниз, в спальню. А вот звукоизоляция была потрясающая.

Конечно, ему не следовало сидеть на чердаке, но это было единственное место в доме, где он мог тайно заниматься своей работой.

Студент затаил дыхание, занес пальцы над клавишами и прислушался. Вода, как всегда, шумела в трубах, и балка, на которой он сидел, слегка поскрипывала, но в остальном в доме было тихо.

Дверь чердака была закрыта. Дверь его спальни внизу была закрыта.

Он начал печатать.

12

Среда, 6 июня

После завершения официальных вскрытий и вторичных независимых экспертиз Фэйми посетила похороны в Брайтоне, Кесвике, Пенарте, Кройдоне и Хаммерсмите. Это были службы по обряду методистов, католиков и англикан, одни похороны нерелигиозные, и с принадлежностью последних она не определилась.

В газетах продолжали появляться возмущенные статьи, время от времени мелькали новостные репортажи. Фэйми старалась не включать музыку. Бесконечные спекуляции казались ей одной из самых деморализующих черт современных новостей. В отсутствие настоящей и стоящей информации, экраны и эфиры переполнялись головокружительным количеством дураков и лжецов. Фэйми решила избегать их всех. Ее приютом, бункером и убежищем стал плейлист классической музыки на сорок три часа.

Однажды пришли из полиции. Два офицера задали несколько вопросов об отделе расследований, но Фэйми ничем помочь не смогла. Уходя, один из них оставил свою визитку.

Через две недели после нападений похоронили Мэри Лоусон. Этого прощания Фэйми боялась больше всего. Она не была знакома с близкими остальных коллег, но с Мэри все было иначе. Она даже покупала подарки на дни рождения ее детей – Фредди и Эллы. Фэйми решила написать им письма об их матери.

Она надела свою «униформу»: черное платье до колен, черный берет. Заехала за Сэмом с Томми, и они отправились в деревню Эшби-Сент-Леджерс в графстве Нортгемптоншир.

– Население сто семьдесят три человека, – объявил Томми, поглядывая на экран телефона.

– Вот только сегодня людей в деревне будет во много раз больше, – сказал Сэм, глядя на пробку, в которую они только что въехали.

– И все они журналисты, – заметила Фэйми. – Повезло жителям Эшби-Сент-Леджерс.

Они ползли через деревню по извилистой узкой дороге, вдоль которой стояли сараи, коттеджи с соломенной крышей и «Лендроверы». Все машины двигались в сторону церкви. Парковку организовали на большом пустыре недалеко от церкви, и парень в оранжевой шапочке показывал, где есть свободные места. Фэйми прижала свой «Вольво Х40» к живой изгороди.

– Если бы не ужасный комок в животе, я бы подумала, что мы приехали на какой-то опен-эйр-фестиваль, – сказала Фэйми.

– Вряд ли нас ждут пивные палатки, – пробурчал Томми, выходя из машины.

Фэйми глянула на термометр на приборной панели:

– Жарища. Господи, это будет тяжело.

Они присоединились к потоку скорбящих, направлявшихся к церкви. За низким старым забором скрывалось небольшое кладбище, несколько надгробий были украшены цветами.

Микроавтобусы различных телеканалов выстроились плотным строем перед простыми деревянными воротами церкви. Фэйми заколебалась, узел в животе затянулся. Она глубоко вздохнула и вошла внутрь. Прохладный воздух принес облегчение, вездесущие церковные запахи сырого дерева и пыльных книг.

Серьезная женщина приветственно кивнула им и прошептала:

– Последние места на задней скамье. Текстов молитв и гимнов не осталось, простите.

Томми остался стоять, Сэм и Фэйми сели. В церкви стояла абсолютная тишина. Только скрипели скамейки пятнадцатого века, когда сидящие безуспешно пытались усесться поудобнее. Фэйми заставила себя поднять глаза. Гроб Мэри стоял на возвышении, украшенный

розами, лилиями и плющом и лентой с надписью «Маме». Фредди и Элла сидели по обе стороны от отца, он положил руки им на плечи.

Вошел викарий. Еще один продавец. Они пели, молились, снова пели. Муж, вдовец, Мэри произнес небольшую речь, заканчивать которую пришлось его другу.

Сколько же слез, подумала Фэйми.

Захоронение проходило в дальней части церковного кладбища, вне поля зрения камер. Фэйми сдерживалась, не желая вмешиваться в горе семьи, но, когда одиннадцатилетняя Элла помахала ей рукой, она сдалась. Потянув за собой Сэма и Томми, Фэйми заставила себя идти к могиле. Большая часть гостей уже попрощались с Мэри, но человек тридцать продолжали стоять рядом с гробом. Горе здесь ощущалось еще сильнее: в каждом лице, в крепко стиснутых кулаках. Фэйми была потрясена. Наконец узел в ее животе развязался, и слезы хлынули потоком. Сэм и Томми подхватили ее под руки, помогая удержаться на ногах. Она сделала глубокий вдох и постаралась взять себя в руки. Скоро все закончится.

Священник, не прекращая, читал молитвы:

– ...мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!

Фэйми открыла глаза.

– ...скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой...

Элла и Фредди стояли у края могилы, не решаясь бросить горсть земли на гроб матери. Их растерянный вид и искаженные горем лица стали последней каплей. Фэйми развернулась и побежала. Она бежала и рыдала, бежала и злилась, бежала и проклинала все на свете. Томми и Сэм смогли догнать ее только на парковке. И они знали, что сейчас ее лучше не трогать. Фэйми перешла на шаг, и они тоже замедлились. В молчании они приближались к машине.

Сэм первым заметил конверт:

– Кто-то оставил послание.

Под правый дворник был подсунут синий конверт. «Фэйми Мэдден».

– Это еще что за...

Сэм и Томми придвинулись ближе, когда она открыла конверт. Внутри оказался сложенный пополам лист бумаги. Весь текст состоял из двух строк, набранных на пишущей машинке.

**Вам не нужен синоптик,
чтобы знать, в какую сторону дует ветер.**

Фэйми посмотрела на Томми, затем на Сэма:

– Что скажете?

– Ну, по крайней мере, это не штраф за парковку, – пробормотал Сэм.

13

Обратный путь прошел легче. Три бургера с картошкой фри спасли их от голода, и когда Фэйми предложила друзьям зайти к ней пропустить по стаканчику, они согласились. Она достала бутылку джина, несколько банок с тоником и наполнила миску льдом.

Фэйми широко распахнула окна гостиной, впуская в комнату прохладный вечерний ветерок, спасавший от духоты квартиры. Она взяла ноутбук и устроилась на диване.

– Вам не нужен синоптик, чтобы знать, в какую сторону дует ветер, – произнесла она слова из записки. – О чем речь? Есть какие-то идеи? – Она посмотрела на Сэма и Томми, разливавших тоник по стаканам.

– Звучит смутно знакомо, – пробормотал Сэм. – Может быть, цитата из фильма?

Он протянул Фэйми коктейль.

– Может, из рекламы какой-то, – предположил Томми, наливая себе вторую порцию.

– Понятно, вы официально признаны бесполезными, – засмеялась Фэйми. – Посмотрим, что скажет «Гугл». – Через несколько секунд она развернула ноутбук так, чтобы всем был виден экран. – Ну, посмотрим.

Черно-белое видео. Молодой Боб Дилан в жилете стоит на обветшалой улочке, в руках у него листы белой бумаги.

– Что это? – спросил Томми.

Фэйми театрально закатила глаза.

– Что это? – спросила она. – Ты серьезно?

Томми пожал плечами.

– Это, – сказала Фэйми, – одни из самых культовых видеоклипов всех времен².

– Поверю тебе на слово.

– Напомни мне, чтобы я не поручала тебе никакие репортажи, связанные с культурой! – рассмеялась Фэйми.

Они смотрели, как певец показывает листки в камеру и бросает их на асфальт. На каждом было важное слово или фраза из песни.

– А это Аллен Гинзберг, на другой стороне улицы. – Томми открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Фэйми продолжила: – А если ты спросишь, кто такой Аллен Гинзберг, уволю.

Томми вздохнул и ничего не сказал.

– Но к чему все это? Я не понимаю, – сказал Сэм.

– А вот я кое-что вспомнила! – воскликнула Фэйми. – Мой папа все время включал эту песню.

Дилан перешел ко второму куплету. Большие черные буквы. «Окружной прокурор». «Берегись». «Не важно». «На цыпочках». «Кофеиновые таблетки». «От тех». «Пожарный шланг». «На рожон». «Люди в штатском».

– Я все еще не понимаю.

– Заткнись, Томми, – прикрикнула Фэйми, поставив видео на паузу и немного отмотав назад. – Просто слушай. – Она снова запустила видео.

Когда Дилан бросил листок с надписью «Люди в штатском», он спел слова, которых они ждали: «Вам не нужен синоптик, чтобы знать, в какую сторону дует ветер». В руках у него был листок со словами «Дует ветер».

В комнате повисла тишина.

– Так и что это значит? – спросил Сэм. – Теперь мы знаем, что это строчка из песни Боба Дилана.

² Речь идет о видеоклипе на песню Боба Дилана *Subterranean Homesick Blues* («Подземный блюз тоски по дому») 1965 года.

– Из «Подземного блюза тоски по дому», – добавила Фэйми.

– Хорошо, это строчка из «Подземного блюза тоски по дому». И?

– И... – Фэйми взмахнула руками. – И я понятия не имею, что это значит! Какая-то мысль свербит, но пока ничего толком сказать не могу. А клип отличный. Я и забыла, как люблю его песни.

Она выбрала несколько треков из плейлиста на ноутбуке, и из колонок зазвучали первые аккорды «Опутанного грустью».

– Твой мозг был одурманен Моцартом, но наконец-то вернулся к нормальной музыке, – сказал Сэм, сделав глоток.

Они сидели в тишине, приятной, хотя и грустной. Фэйми посмотрела на своих друзей: Сэм прикрыл глаза, Томми разглядывал пол. Неотвратимо приближалось время постпохоронных и алкозависимых разговоров, так что она решила начать первой:

– Сегодня был ужасный день. И вчера тоже. И позавчера. Зато бургер был отличный. И вот джин, – она взмахнула стаканом. – Поэтому я увольняюсь. Ваше здоровье! – Она снова подняла стакан.

Томми посмотрел на нее с удивлением, а Сэм нахмурился. Она улыбнулась озадаченным коллегам. На самом деле Фэйми и сама была удивлена – вовсе не эти слова она собиралась сказать. Но прозвучало отлично, так что она еще раз повторила:

– Отличный бургер и джин, и я увольняюсь.

Томми покачал головой.

– Фэмс, это бессмыслица какая-то, а не предложение. Вторая половина предложения не соответствует первой. Разве в школе журналистики вас этому не учили?

Фэйми отложила ноутбук и повернулась к друзьям.

– Может, и бессмыслица, и, может, утром я вам напишу, что беру свои слова обратно, но сейчас я абсолютно серьезна. Это имеет смысл. Во всяком случае, для меня. С меня хватит. Хватит корпоративных реструктуризаций и улучшений, которые всегда только портят положение. Хватит всего этого дерьма. Мне давно все это надоело, еще до... до необходимости влезать в эту одежду. – Она указала на траурные костюмы Сэма и Томми и свою черную юбку. – Почему это превратилось в нашу униформу?! Почему который день надо влезать в черное?! С меня хватит!

Она встала с дивана и вышла из комнаты настолько быстро, насколько позволял джин. В спальне она переделалась в джинсы и футболку и вернулась в гостиную, на ходу затягивая молнию.

– Вот. Я увольняюсь. Что скажете?

– Думаю, ты просто злишься, – заметил Томми.

– Злишься, но, кажется, говоришь серьезно, – предположил Сэм.

Фэйми ткнула пальцем ему в грудь:

– Именно, Сэм. Понятия не имею, что буду делать дальше, но точно знаю, что больше не готова провести хоть секунду жизни в ужасе. Если раньше я была просто подавлена из-за работы, то теперь я подавлена и напугана. И вот это уже слишком. Для любого из нас.

Она почувствовала удивительное, восхитительное возбуждение от собственных слов и подумала, не позвонить ли Чарли. Удивительно, как быстро поменялись роли: теперь она искала одобрения у собственного ребенка.

– Прости, что я снова за свое, Фэмс, – прервал Томми ее размышления, – но как именно бургер и джин связаны со всем этим?

Фэйми сидела на полу, скрестив ноги и поставив стакан на колени.

– Еще как связаны, Томми, еще как. После похорон мы хотели поесть и выпить. И мы получили по бургеру и коктейлю, и вкус у них был восхитительным. Вот какой должна быть жизнь!

Томми посмотрел на нее скептически.

– Бургер и джин каждый день?

Плечи Фэйми поникли.

– Это метафора, Томми, не придирайся. Я говорю о нормальной жизни, в которой так нуждаюсь. Вот и все.

– Нормальная жизнь не для тебя, – заметил Сэм. – Никто из нас ее не выдержит.

– Может быть, – кивнула Фэйми, – может быть. Но сейчас мне куда сложнее постоянно гадать, не поджидает ли за углом какой-нибудь псих с ножом.

Много часов спустя, когда Фэйми встала, чтобы закрыть окна и выпить обезболивающее, она подняла с дивана записку из конверта. Она сидела в темноте гостиной, ожидая, пока подействует таблетка, и гадая, кто и почему оставил для нее это послание. На других машинах конвертов она не заметила. В тишине ночи эта загадка казалась еще более странной и более важной, чем раньше. Она включила свет и поморщилась от его яркости. Еще раз посмотрела на листок бумаги, провела пальцами по выпуклым буквам. Кто вообще в наше время пользуется печатной машинкой?

– Вам не нужен синоптик, чтобы знать, в какую сторону дует ветер, – произнесла она вслух.

Навязчивая, но несформулированная мысль не отпускала, и Фэйми потянулась за ноутбуком. Она еще раз вбила фразу в поиск и пролистала результаты. Вот и оно. Фэйми читала быстро, водя пальцем по строчкам.

Архив данных по терактам. 1969. СИНОПТИКИ.
СИНОПТИК МЕТРО. Леворадикальная американская
террористическая организация, совершившая серию взрывов в середине 1970-
х. Названа по строчке «Подземного блюза тоски по дому» Боба Дилана (1965):
«Вам не нужен синоптик, чтобы знать, куда дует ветер»³.

Сознание Фэйми быстро прояснилось, головная боль прошла благодаря приливу адреналина. Она удобнее устроилась на диване, и речи не было о возвращении в постель.

Итак, эта строка стала названием основополагающего документа, который эта террористическая группа опубликовала в 1966 году. В нем они призывали к уничтожению империализма в США и установлению мирового коммунизма. И теперь Фэйми должна была прочитать их выступления, проверить, с какими запрещенными организациями была связана их деятельность и нет ли у них последователей – огромное количество информации.

Она смотрела в окно: небо светлело, линии серых облаков были испещрены желтыми солнечными отблесками, – только Фэйми ничего из этого не замечала. Она снова посмотрела на записку. Внезапно она опять оказалась на месте редактора: оценивала, сравнивала, сопоставляла. Она покачала головой:

– И почему я даже не удивлена...

³ «Синоптики» (англ. Weather Underground Organization, Weathermen) – леворадикальная боевая организация, классифицированная ЦРУ как террористическая, действовавшая в США с 1969 по 1977 год. Была основана в Мичиганском университете из радикального крыла движения «Студентов за демократическое общество», выступавшего против войны во Вьетнаме. Политическая цель группы заключалась в создании революционной партии для свержения американского империализма.

14

Четверг, 7 июня

Фэйми сварила кофе и устроилась за кухонным столом. Она открыла ноутбук и глубоко вздохнула. Через три чашки заявление на увольнение было готово. Она знала, что получилось грубовато, и заставила себя несколько раз пройтись по квартире, обдумывая текст. «Уходи с изяществом», – сказала бы ей Чарли. «Зачем создавать еще больше проблем?» – в то же время твердил в голове голос матери.

– Да надоело! – Она допила кофе и нажала «Отправить».

Зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя «Эндрю Льюис», а чуть ниже более мелкими буквами: «Не хамить».

– Господи, как ты быстро, – сказала Фэйми в трубку.

– Что?

– Привет, Эндрю. Просто я только что отправила тебе письмо, а ты сразу перезвонил. В общем, в письме заявление на увольнение.

Повисла тишина.

– Извини, – добавила Фэйми.

Она услышала, как босс сделал глубокий вдох.

– Хорошо, – сказал он. – До некоторой степени я этого ожидал. Слушай, но ты могла бы все равно приехать? Кое-что случилось, но я предпочел бы поговорить в офисе, если ты не возражаешь.

– Конечно. Я все равно собиралась заехать. Попрощаться с соратниками, так сказать.

Она приняла душ и оделась, чувствуя себя гораздо лучше, чем в течение нескольких последних недель. В своей лучшей футболке и любимых джинсах она села в метро. Надев наушники, выбрала самую яркую и веселую арию, какую только могла придумать. Она не думала о Гарри, погибшем на ступенях Кентиш-Тауна, и о Брайане, который оказался под поездом в Пимлико. Вместо этого она сосредоточилась на переливах мелодии, проносившейся в ее голове.

В толпе на пересадке на станции «Грин-парк», она осознала, что обыденность часа пик расстраивает ее. Лондон вернулся к нормальной жизни. Поезда ходили по расписанию, вагоны были полны. Фэйми казалось, что весь город пожал плечами и продолжил жить дальше. В последних статьях писали про сохранение спокойствия, возвращение к работе и молниеносных атаках – похоже, большинство решило, что случившееся – не более чем нападение на журналистов. И если ты сам не журналист – можно не беспокоиться.

«Неблагодарные ублюдки», – подумала Фэйми.

Однако через месяц она тоже перестанет быть журналистом. Так что же это значит? Может, террористы победили, раз она убегает.

Она отправила заявление начальнику отдела кадров Гиббону Перксу, которого считала высокомерным дураком. Она знала, как трепетно он относится к своему имени, поэтому всегда называла его Гиббо. Даже письмо с просьбой об увольнении она начала со слов «Привет, Гиббо». Теперь она с нетерпением ждала их встречи. Представляла, что он будет ждать ее вместе с шефом бюро Эндрю Льюисом и разговор будет достаточно жестким. Вообще-то Гиббо заботился о своих сотрудниках и знал, что журналистам нужно для работы. А когда в прошлом году начались забастовки, он первым вышел на улицу. Фэйми знала, что он будет огорчен и разочарован. Возможно, попытается отговорить ее. Но решение принято.

Доехав до «Кэнэри-Уорф», она написала Сэму и Томми, что уволилась, как и обещала, но зайдет в офис, чтобы попрощаться. На площади она остановилась, наблюдая за бегущей лен-

той новостей. «Теракты в Лондоне: разыскиваются еще трое подозреваемых. Новое заявление министра внутренних дел. Жена жертвы просит оставить ее в покое». Фэйми сняла наушники и потянулась за пропуском, с которого на нее глядела серьезная круглолицая тридцатилетняя женщина без очков. Она вспомнила, что с Чарли было особенно тяжело, когда была сделана эта фотография: истерики, энурез и даже конфликты с учителями. Фэйми казалось, что все это напряжение отразилось во взгляде на фотографии. Как же хорошо, что больше не придется видеть его каждый день.

Фэйми взбежала по ступенькам в здание «АйПиСи» и поднялась на лифте на четвертый этаж. Она оглядела огромный зал редакции новостей, заваленные столы и работающие компьютеры, и внутри у нее все сжалось. Все это она потеряет. Пора прощаться. Она нащупала в сумке машинописную записку с лобового стекла и вытащила ее, решив прочитать еще раз.

– Да будет так, – успокоила она сама себя.

Фэйми направилась к кабинету босса, не поднимая головы и ни с кем не разговаривая. Как и ожидалось, Льюис был на месте, а Гиббо топтался снаружи.

– Привет, Гиббо, – бросила она Перксу в спину, после чего постучала и вошла в кабинет.

Полный порядок, две стены стеклянные, две другие завешаны фотографиями семьи и сертификатами. На столе не было ничего кроме монитора, телефона и вазочки со сладостями. В отличие от многих журналистов его поколения, Льюис не расставлял в кабинете награды. И никаких сувениров или фотографий из Берлина, Чечни, Йоханнесбурга или Рима. Это была одна из причин, по которой он нравился Фэйми.

Эндрю Льюис закончил разговаривать по телефону и жестом пригласил ее сесть в кресло. Перкс, вошедший за ней, остался стоять.

– Мятную конфетку? – Льюис протянул Фэйми вазочку. Она отрицательно покачала головой, но сам босс сунул в рот леденец. – Что ж, – сказал он, резко выдохнув. – Как я уже говорил, не могу сказать, что я удивлен. Конечно, мне очень жаль, но я не удивлен.

Фэйми подумала, что он выглядит немного лучше, чем на похоронах Сета. По крайней мере, на щеках появился хоть какой-то румянец.

– Сколько? – спросила Фэйми.

– Ты двенадцатая.

– Тринадцатая, – поправил Перкс. – Еще Брук Хитчинг – сегодня утром.

Льюис его проигнорировал.

– Я полагаю, что нет смысла отговаривать...

– Абсолютно никакого, – сказал Фэйми.

– Я так и думал.

Фэйми смотрела на своего будущего бывшего босса, гадая, не раздумывает ли он сам об увольнении. Ему было за шестьдесят, реорганизации потрепали ему нервы – в общем, она бы тоже не удивилась.

– Ты можешь стать четырнадцатым, Эндрю. Ты ведь думал об этом?

Перкс возмущенно зашуршал бумагами.

– Не совсем уверен, что это...

– Отвали, Перкс, – сказал Льюис, махнув рукой. – Подожди снаружи, мы обойдемся без комментариев подпевалы руководства.

Фэйми фыркнула. Перкс покраснел, поджал губы и выскользнул за дверь.

– Класс, – усмехнулся Фэйми, – особенно если учесть, что его руководство – это ты.

– Именно так и написано на двери моего кабинета. Но в последнее время я не очень терпим к болванам типа Перкса. – Он снял очки. – И, да, конечно, я думал о том, чтобы уйти. Мэри определенно этого хочет. Но я обещал всем новое яркое и модернизированное будущее, Фэйми, и теперь вряд ли могу от него отказаться. – Тут он заметил листок у нее в руках: – Что за записка?

Фэйми уже и забыла, что достала из сумки таинственное послание.

– Как ты думаешь, кто их убил? – спросила она. – Кто это сделал? Журналисты строят догадки, но ты же всю жизнь занимался криминальными историями – какова твоя лучшая теория?

Льюис оперся локтями о стол.

– Полиция с тобой уже разговаривала?

– Всего один раз, – ответила Фэйми. – Боюсь, я оказалась совершенно бесполезной. Не смогла вспомнить ни одного разговора об их делах. По-моему, с компьютерами они тоже потерпели неудачу. Спрашивали, где мы храним данные по работе, файлы. В тот момент они еще ничего не нашли. Не знаешь, есть прогресс?

Льюис покачал головой:

– Похоже, никакого. Оказалось, самые поздние рабочие файлы расследователей были от первого марта. После этого все пошло не по плану. Вот что мне сказали.

– И это все?

Льюис развел руками.

– Электронная почта есть, а рабочих файлов и контактов – нет.

– Но где-то же они все хранили...

Льюис пожал плечами.

– Наверное. Но мне об этом неизвестно.

Он замешкался, и Фэйми воспользовалась моментом, чтобы положить записку на стол.

– Кто-то оставил на лобовом стекле во время похорон Мэри.

Она смотрела, как шеф читает и перечитывает слова.

– Это Боб Дилан.

– Да что ты говоришь! – Льюис выглядел оскорбленным. – «Подземный блюз тоски по дому». У меня есть пластинка. – Он вернул листок Фэйми. – И что? Зачем ты мне это показала?

– Дело не только в том, что это Дилан, – сказала она. – Эти слова связаны с американской группой «Синоптики». Они организовали несколько взрывов в семидесятых.

Льюис потер лоб.

– О них я тоже знаю, Фэйми, но какое это имеет отношение к делу?

Она чувствовала, как уверенность ее покидает – высказанное вслух предположение прозвучало нелепо.

– Просто подумала, что кто-то пытается мне что-то сказать, вот и все. Интересен тот факт, что эти слова связаны с политическим насилием. Разве нет?

Она посмотрела на Льюиса с большим вызовом, чем хотела. Он достал папку с бумагами и подтолкнул к ней. Фэйми догадалась о содержании.

– Послания от любителей зеленых чернил?

Льюис кивнул:

– И сообщения по электронной почте от таких же фанатиков, верящих во все безумные заговоры, о которых ты слышала. Хотя некоторые и тебя удивят. И у каждого случилось «проречение» и, конечно, есть «доказательства». Может, добавить твою сюда же? – Он протянул ей записку.

Фэйми вздрогнула и выхватила бумажку.

– Знаешь, Эндрю, это несправедливо и высокомерно. Записка была адресована мне. Кто-то оставил ее специально для меня. Это что-то значит. Так что, нет, не собираюсь я класть ее в твою сумасшедшую кучу.

Она бы и сама тут же ушла, но, понимая, что это может быть их последняя встреча, задержалась еще на мгновение.

Льюис вздохнул:

– Извини, если мой тон был неуместным. И ты должна узнать еще кое о чем, прежде чем покинешь нас с гордым видом.

Фэйми смотрела на него выжидающе.

– Я собирался тебе позвонить...

– Говори же, Эндрю.

– Насколько хорошо ты знала брата Сета?

– Амаля? – спросила она, удивленная вопросом. – Видела его на похоронах. Но знакомы мы не были. Они же почти не общались. А что?

По секундной паузе Фэйми догадалась, что ответ ей не понравится.

– Потому что, – сказал Льюис, – он член Аль-Джихада⁴. И он исчез.

Господи. Фэйми села. Аль-Джихад. Неудивительно, что Льюис отмахнулся от ее записки.

– Исчез?

– Возможно, скрывается в Сирии. Или Ираке. Он уже в розыске.

Фэйми почувствовала, как земля уходит из-под ног. Значит, полиция скоро снова будет у нее – это лишь вопрос времени. Льюис избавил ее от необходимости уточнять:

– И да, они знают о тебе и Сете.

Она едва слышно ответила:

– Конечно, знают. Аль-Джихад? Серьезно? Сет был атеистом и... и борцом за права человека. И при этом его брат – исламистский террорист?

– На следующий день после похорон он уехал в Берлин, – сказал Льюис. – А потом исчез.

Повисла тишина.

В конце концов Фэйми заговорила:

– Что ж, должна признать, зацепка убедительная.

Льюис кивнул:

– В любом случае лучше, чем Боб Дилан.

⁴ *Аль-Джихад, Египетский исламский джихад* – египетская исламистская группировка, действующая с конца 1970-х годов. Ее цель – свержение в Египте светского режима и создание исламского государства, а также борьба против интересов США и Израиля в Египте и соседних странах. Является запрещенной организацией во многих странах как филиал Аль-Каиды.

15

Констебль Джон Милн – детектив, оставивший Фэйми свою визитку, – ответил на ее звонок с первого гудка. Оказалось, он уже был в здании «АйПиСи» и пообещал подойти через десять минут. Эндрю Льюис предложил Фэйми подождать полицейского в кабинете, а сам вышел поговорить с Перксом. Фэйми повеселил явно раздраженный вид начальника отдела кадров.

Она расхаживала по комнате. Тот факт, что брат Сета был членом Аль-Джихада, наверняка испортит ей жизнь, но она не могла отрицать логику истории. Милн, конечно, будет с ней предельно любезен, притворится, что заботится о ее благополучии, спросит о дочери, но в итоге разговор все равно перейдет на террористические связи ее бывшего любовника. Она взяла один из леденцов со стола шефа.

Джон Милн появился ровно через десять минут – он шел через всю редакцию, не сводя глаз с кабинета Льюиса. Следом за ним спешила миниатюрная женщина.

Фэйми осталась стоять. Она восхищалась полицейскими, знала, насколько сложна и важна их работа, но это не значило, что ей нравилось иметь с ними дело.

– Фэйми Мэдден? – Небрежный стук, и в дверном проеме появилась голова.

Она кивнула, и Милн вошел. Рост примерно метр девяносто, белый, лет пятидесяти, поношенный пиджак цвета хаки и бесформенные брюки. «Гардероб человека, который не особо волнуется о своей презентабельности», – подумала Фэйми.

– Констебль Милн, – сказал он, показывая удостоверение. – Мы встречались пару недель назад. А это констебль Хантер. – Он указал на круглолицую темнокожую женщину, которая кивнула Фэйми.

Серый костюм, белая рубашка, короткая стрижка. Она тоже показала свое удостоверение. Вежливая улыбка.

– Что ж, добро пожаловать, – сказала Фэйми, оглядываясь по сторонам. – Чувствуйте себя как дома.

Она села за стол Льюиса, Милн устроился в кресле для посетителей, а Хантер осталась стоять у двери. Фэйми решила сразу перейти к делу:

– Сперва поговорим о Сете или сразу о его брате? Я согласна на любой вариант. – Милн начал было отвечать, но Фэйми не остановилась: – Когда я встречалась с вами раньше, констебль, я понятия не имела, что Амаль – член Аль-Джихада. До дня похорон я ни разу с ним не встречалась. Видела только на фотографиях, которых у Сета тоже было не особо много. Он мало о нем рассказывал. Точнее – вообще ничего. Время от времени я спрашивала его о брате, но он только пожимал плечами, мол, они давно не виделись. – Фэйми поняла, что говорит слишком быстро и бессвязно и внезапно занервничала. Она взяла еще одну мятную конфету.

Милн воспользовался паузой:

– Позвольте мне сразу извиниться за личный характер вопросов. Понимаю, сейчас очень тяжелое время для вас и всех ваших коллег.

«Манчестер, – отметила про себя Фэйми, – хотя за годы работы в Лондоне акцент смягчился».

– Спасибо, – ответила она чуть спокойнее, – и не нужно извиняться. Я знаю, что это ваша работа. Что вас интересует?

Милн указал на свою коллегу, и констебль Хантер подошла к столу.

– Как долго вы были знакомы с Сетом Хуссейном?

– Давайте я сэкономлю вам немного времени и сразу опишу наши отношения, – решила Фэйми. – Мы впервые встретились, когда он начал работать в новостях Африки около трех

лет назад. Мы были вместе около шести месяцев и расстались в феврале прошлого года по обоюдному согласию. Вот и все. – Она сложила руки на коленях.

– У вас была сексуальная связь?

– Вы серьезно?! – фыркнула Фэйми.

Милн и Хантер остались невозмутимыми.

– Была. Еще какая.

«Лишние подробности, – подумала она. – Думай, прежде чем говорить».

Хантер заглянула в свои записи:

– Получается, вы начали встречаться с Сетом, когда он присоединился к отделу расследований?

Фэйми кивнула:

– На самом деле все и началось на вечеринке, которую он устроил в честь своего повышения в отделе расследований. Сначала я думала, что он так мил со мной из сочувствия – я тоже подавала заявление на эту позицию и была очень расстроена, – но потом поняла, что он ко мне клеится. – Фэйми улыбнулась воспоминаниям и добавила: – В общем, я позволила себя утешить.

Милн нахмурился. По обветренной и морщинистой коже его лица было видно, что он проводит много времени на улице и на солнце.

– Значит, ваши отношения начались только после того, как он стал одним из расследователей. Как вы думаете, почему?

Фэйми проигнорировала его покровительственный тон и пожала плечами, а потом язвительно улыбнулась:

– Может, раньше я не нуждалась в утешении? Кто знает? Вот почему вы вместе с миссис Милн? Ну или мистером Милном? Или ни с кем. Но если я правильно поняла вашу мысль, что он выбрал меня именно из-за своей должности в отделе расследований, то это полная чушь.

Милн позволил ей немного успокоиться, прежде чем объяснить:

– На самом деле моя мысль была ровно противоположной.

Теперь нахмурилась Фэйми.

– В смысле?

– В том смысле, – медленно произнес Милн, – что вы выбрали его только после того, как он стал расследователем.

Лицо Фэйми помрачнело. Она перевела взгляд с Милна на Хантер и обратно.

– И с чего вы так решили?

Милн снова подал сигнал Хантер, и та подошла к столу Льюиса. Женщины не сводили друг с друга взгляда.

– Мисс Мэдден.

– Мисс Хантер.

Фэйми гадала, что же произойдет дальше.

– Мисс Мэдден. Почему бы нам не поговорить о вашем пребывании в Пакистане?

16

Фэйми замерла, приоткрыв рот.

– Пакистан, – повторила констебль Хантер. – Вы проработали там три года?

Фэйми слегка вздрогнула. Тон Хантер был мягким и располагающим, но не было никаких сомнений, что разговор переместился на опасную территорию. Она села прямо, свирепо глядя на полицейских.

– Серьезно? Вы хотите поговорить о моем пребывании в Пакистане?

– Если не возражаете, – кивнула Хантер.

– Не о том, кто убил моих коллег? Не о свои успехах и арестах? Не хотите поинтересоваться, может, я что-то вспомнила, что может помочь следствию? Нет? – Фэйми чувствовала, как нарастает гнев, знала, что щеки покраснели. Невозмутимые лица констеблей только усилили ее негодование.

– Мы, конечно, к этому еще вернемся, – сказал Милн.

– Конечно! – крикнула Фэйми. – Но сначала поговорим о Фэйми Мэдден в гребаном Пакистане. – Она стукнула кулаком по столу, так что миска с леденцами подпрыгнула. – Гениально! – Она вскочила на ноги – знала, что лучше уйти, пока она не усугубила ситуацию. – Все, что нужно знать – вот абсолютно все – о моих годах в Пакистане, вы можете узнать из хранящихся здесь записей. Привычная смесь судебных процессов, выборов, митингов, генералов, исламистов и взрывов. Вот и все. Если захотите поговорить о Сете Хуссейне – возвращайтесь. А пока мне нужно искать работу.

Констебль Хантер отступила чуть в сторону, позволив Фэйми выйти из кабинета. Дверь захлопнулась, стеклянные стены задрожали.

Фэйми повернула налево, не обращая внимания на обращенные в ее сторону головы, и направилась к своей старой команде. Большинство столов британского отдела были заняты. На месте выпускающего сидел Сэм – сосредоточенно что-то печатал, склонив голову. Она опустилась на свободный стул и бросила в него карандаш. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Все еще тут?

– Пока да. Но клянусь богом, если бы я осталась там еще на секунду, меня бы арестовали за нападение на офицера полиции.

Фэйми сделала несколько глубоких вдохов, посмотрела на экран телефона и подумала о Шопене. Сейчас ноктюрн ей был нужен так же, как раньше никотин. Она поборола это желание, отложила телефон и заметила множество грустных улыбок. Значит, они уже знали.

– Послушайте, народ, – сказала она, – мне жаль уходить, и я сама очень расстроена, но... Ну, вы знаете, как это бывает. Думаю, мне нужен перерыв.

Первой подошла Софи Арнольд, не скрывающая слез, и несколько секунд они простояли обнявшись. Всем остальным Фэйми пожала руки.

– Ты с чего там так разошлась? – спросил Сэм, указывая на кабинет Льюиса.

Фэйми рассказала о Сете, Амале и Аль-Джихаде, а затем о вопросе про Пакистан. Сэм не особо впечатлился.

– Конечно, они придурки, Фэйми, но придурки при исполнении, – сказал он. – И они сейчас заправляют этим шоу. Так что возвращайся, расскажи им о Пакистане, покажи фотографии и утоми их своими историями так же, как нас когда-то. Потом они спросят тебя о Сете. А потом смогут уйти и заняться настоящими преступниками.

Фэйми знала, что Сэм прав, и потому бросила в него еще один карандаш.

– Когда ты стал таким занудой?

Сэм ухмыльнулся:

– Джоанна говорит, что это дар.

Фэйми вернулась в кабинет. Она вспомнила, что подруга Сэма – кстати, сама офицер полиции – была самой понимающей из женщин. Вот бы ей настолько лояльного и терпеливого партнера – но не сложилось.

Милн и Хантер словно не двигались все это время: женщина стояла недалеко от двери, мужчина сидел в кресле для посетителей. Как будто они ждали ее возвращения. Она устроилась в кресле Льюиса и мило улыбнулась. Гул кондиционера казался почти оглушительным в повисшей тишине.

– Итак, – сказала Фэйми, предполагая, что они воздержатся от комментариев о ее кратком отсутствии, – прежде чем мы начнем говорить о Пакистане, могу я вам кое-что показать?

Она положила на стол записку и объяснила, как она к ней попала и что значат слова. Фэйми показалось, что полицейские видели в ее рассказе попытку сменить тему, но все равно отнеслись с пониманием.

– Пожалуйста, могу я ее сфотографировать? – спросила Хантер.

– Конечно, – кивнула Фэйми. – И вы планируете ею заняться?

Хантер пожала плечами:

– Если честно, мы слышали уже множество теорий. Теперь добавится еще и ваша.

– А какие остальные?

– О, ну, знаете... Обычный список. Евреи, масоны, королевская семья, иммигранты, пришельцы...

– А теперь «Синоптики» из Эшби-Сент-Леджерс?

– Давайте признаем, что неплохо вписывается... Но в любом случае у меня теперь будет фотография вашей записки, спасибо.

– Да не за что, – вздохнула Фэйми. – Итак, что вы хотели узнать о Пакистане?

С ангельской невозмутимостью Хантер продолжила разговор:

– Брат Сета Хусейна – Амаль – был активным участником Египетского исламского джихада, связанного с Аль-Каидой. Аль-Каида очень активна в Пакистане – вы, должно быть, контактировали с ее членами.

– Почему я должна была с ними контактировать?

– Разве это не работа журналиста, мисс Мэдден, налаживать контакты, получать данные, рассказывать о происходящем?

Фэйми устала на Хантер. Похоже, возвращение было ошибкой. Она изо всех сил старалась вести себя вежливо.

– Мы сообщаем новости, мисс Хантер. Мы не шпионы и не разведка, мы – журналисты. Пакистан – сложное место, но я горжусь сделанной нами работой и историями, которые мы рассказали. Если вы не разговариваете со всеми участниками конфликта, вы не делаете свою работу. – Глубокий вдох. – И я была рада вернуться домой.

Тогда заговорил Милн:

– Но за три года работы, вы не контактировали с Аль-Каидой или какой-либо другой террористической организацией?

Фэйми заколебалась.

– Непосредственно с Аль-Каидой – нет, – сказала она. – Но я встречалась с членами других группировок, связанных с ней. Но, знаете ли, они не носят униформу или бейджики. Не всегда можно быть уверенным, с кем разговариваешь. Например, некоторые военные из рядовых часто оказывались симпатизирующими исламистам. По-настоящему там никому нельзя доверять. И если вы ведете репортаж из Пакистана, приходится разговаривать с не самыми приятными людьми.

Милн наклонился вперед.

– Значит, возможно, что некоторые из ваших знакомых сочувствовали Аль-Каиде?

– Очевидно. Я же только что вам об этом сказала. Некоторые более открыто, другие менее. Говорю, бейджиков у них не было. Вы же тоже можете быть русским шпионом или китайским агентом, констебль Милн, но я не могу этого знать.

Милн проигнорировал ее сарказм. Оба полицейских делали какие-то пометки в блокнотах.

– А ваши коллеги? – спросил он. – Мог кто-то из них сочувствовать исламистам?

– Констебль, мы, кажется, как-то слишком далеко отошли от темы гибели моих друзей. – В голосе Фэйми отчетливо слышалось напряжение.

Милн кивнул:

– Пожалуй. Может, далековато, – признал он. – Если бы только Сет Хуссейн, несмотря ни на что, не поддерживал регулярный контакт с братом. И если бы только Амаль не требовал денег у брата. Как оказалось, больших денег.

Фэйми растерялась. Сет всегда утверждал, что не общается с братом и что молчание между ними длится уже несколько лет. У нее не было причин сомневаться в его словах. Она никогда и не задумывалась о его честности. Он был журналистом и правозащитником – конечно, он говорил правду.

– Как вы об этом узнали? – спросила она и добавила: – Подождите. Не говорите. Вы нашли в его квартире еще один телефон.

Милн развел руками:

– В яблочко, мисс Мэдден.

Господи.

Фэйми почувствовала, что два взгляда наблюдают за ней и анализируют движение каждого мускула на ее лице. Она старалась скрыть смущение и гнев, но актриса из нее была никудышная. Она злилась на себя, на Сета и на этих чертовых полицейских, которые только что украли ее воспоминания.

– Еще один вопрос, если можно, и мы оставим вас в покое, – сказала Хантер. – Сет когда-нибудь просил у вас денег?

Контрольный выстрел.

Фэйми зажала рот рукой. К глазам подступили слезы. Она почувствовала, как старый мир вокруг рушится. Ясное дело, ответ был положительным. Они постоянно шутили, что Сет всегда был без гроша, так что Фэйми не только за него платила, но и одалживала ему небольшие суммы, которые он обещал вот-вот вернуть. Она зажмурилась, по щекам потекли горячие слезы. Кивнула.

– Мы думаем, что большая часть этих денег досталась его брату, – сказала Хантер.

17

Студент забрался обратно на чердак, убрал лестницу и прислушался. Убедившись, что никто за ним не пошел, он поставил печатную машинку на колени.

Перед тем как начать печатать, он вспомнил женщину с похорон. Он заметил ее в репортажах со всех предыдущих церемоний. Стильная. Черный берет. Темные очки-авиаторы. Тогда он решил, что и седьмые похороны она не пропустит, а потому, повинувшись вдохновению, взял на себя роль регулировщика на импровизированной стоянке. Никто не спросил, кто он такой и с чего решил помочь, а оранжевую шапочку он натянул так, чтобы она частично скрывала его лицо и своим ярким цветом отвлекала внимание окружающих от его смуглой кожи. Подобных ему в Эшби-Сент-Леджерс было не так уж и много.

Когда он увидел, что женщина из репортажей приехала, его словно током ударило – адреналин забурлил в теле. После похорон она прочитала его записку два, может, три раза, прежде чем передать ее своим коллегам. Они в свою очередь изучили бумагу и конверт, вернули их женщине. Он надеялся, что сделал правильный выбор. Она выглядела проницательной. Умной. И сильной. Двое мужчин, сопровождавших ее, вели себя уважительно, позволяя ей взять инициативу. Казалось, именно они задавали ей вопросы и прислушивались к ответам.

И теперь он знал, где она живет – спасибо нераспечатанной почте, брошенной на заднее сиденье машины. Неожиданный бонус.

Он вставил в машинку чистый лист бумаги и начал печатать.

18

Пятница, 8 июня, 14:40

Фэйми почти не спала – отчасти из-за жары, она дважды переодевала футболку, – но в основном от осознания всевозможных неприятностей. Все утро она провела за уборкой и изучением информации об Аль-Джихаде, а после обеда отправила сообщение Сэму – ей нужно было с кем-то поговорить, и ей нужно было выпить. Сэм отпросился у Итана Джеймса и приехал в паб, где Фэйми уже ждала его. Когда Сэм проголодался, они вызвали такси и поехали к ней домой. Сэм все пытался успокоить Фэйми:

– Сет занимал у тебя деньги, потому что не умел с ними обращаться, вот и все. Это не значит, что он направлял каждую двадцатифунтовую купюру Аль-Каиде.

Фэйми закрыла глаза и застонала:

– Это ужасно, Сэм. Я в полной заднице.

– Ну а я однажды купил ему пиццу. И он съел ее всю, Фэйми. Не отдал ее ближайшему террористу, даже не попытался. Представляешь!

Она фыркнула:

– А салат из капусты? Его судьба тебе известна?

– Хорошее замечание, Фэмс. Возможно, он отправил его в Сирию.

По радио заиграла песня Элтона Джона, и водитель сделал погромче. Сэм наклонился ближе к Фэйми:

– Полиция должна отследить все зацепки, Фэйми, ты же знаешь. И эта лишь одна из сотни.

Фэйми отмахнулась:

– Достаточно утешений. Ценю и все такое. Но мне этот разговор показался не на шутку серьезным. Они думают, что напали на след, и кто я такая, чтобы говорить, что это не так?

Такси свернуло на улицу, где стоял дом Фэйми, и тут Сэм резко схватил ее за руку.

– Черт! – Он наклонился к водителю: – Остановитесь, пожалуйста. Прямо сейчас.

Водитель посмотрел на навигатор и уже собирался протестовать, но Сэм перебил его:

– Сейчас! Тормозите!

Машина свернула на обочину.

Фэйми непонимающе смотрела на друга.

– Что случилось, Сэм?

Он указал на ее дом:

– У нас гости.

Возле ее подъезда стояли шестеро мужчин и женщин, и по очереди нажимали на кнопку домофона с ее именем. У одной из них на плече висела небольшая камера.

Фэйми откинулась на сиденье.

– Да вы издеваетесь, – прошептала она. – Я знаю, что полиция сливает информацию, но это капец. Чертовы журналисты.

Сэм снова наклонился вперед и назвал встревоженному водителю другой адрес.

– И развернитесь прямо здесь, ладно? Не проезжайте мимо подъезда.

Фэйми посмотрела на друга:

– Поедем к тебе?

– А есть идея лучше?

– Нет.

– И у меня нет.

– Джоанна не будет возражать? Я слышала, что, если приводить домой чужих женщин, это может плохо закончиться.

Сэм улыбнулся:

– Я ей сейчас напишу, расскажу, что случилось. И если ты не будешь вести себя как чужая женщина, то все будет в порядке.

– Подождите секунду, пожалуйста, – попросила Фэйми водителя и повернулась к Сэму: – Поможешь?

– А приглашение переночевать – это не помощь?

– Помощь, но этого мало. Ну пожалуйста. Мне нужен мой ноутбук. И сменная одежда. – Она достала ключи. – Поможешь?

Сэм вздохнул:

– Конечно. Ноутбук я принесу, но я не буду рыться в твоём ящике с трусиками, если ты не против. После такого Джо точно вышвырнет меня.

Фэйми дала ему ключи, сказала код сигнализации и где найти компьютер. Она смотрела, как он протискивается мимо журналистов, игнорируя их вопросы. Сама она сползла на пол за сиденьем водителя.

– Давай, Сэм.

Водитель повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– У вас неприятности?

– В некотором смысле. Извините.

– Да не проблема, – пожал он плечами. – Радио нормальное или переключить?

Она улыбнулась.

– С радио все прекрасно.

– Я Маззи, – сказал он.

– Фэйми. И спасибо, что держите коврики в чистоте.

Кажется, благодарность его порадовала.

Минут через пять он снова повернулся к ней:

– Ваш друг возвращается.

Через тридцать секунд Сэм открыл заднюю дверь. Он протянул Фэйми сумку.

– Ты ангел, – сказала она. – Я бы тебя поцеловала, но подозреваю, что Джоанна этого не оценит.

Она заглянула внутрь сумки. Ноутбук, какая-то почта и толстовка с капюшоном.

– Не то чтобы чистая одежда, но она лежала на полу в гостиной, – сказал Сэм, слегка запыхавшись. – Может, пригодится.

Фэйми надела толстовку, натянула капюшон на голову и вернулась на сиденье.

– О чем спрашивали журналисты?

Такси тронулось, радио играло тише, чем раньше.

– Да все как обычно. «Фэйми Мэдден здесь живет? Вы ее знаете? Вы видели ее в последнее время?» И все в таком духе.

– «Вы заглядывали в ее ящик с нижним бельем?» – предположила Фэйми.

– Конечно, – рассмеялся Сэм. – Этот вопрос всем первым приходит на ум.

Фэйми проверила заряд ноутбука, затем посмотрела почту. Ее сердце забилось быстрее. Она вытащила из сумки письмо.

– Господи, посмотри на это.

Сэма поразило, каким тихим стал ее голос и как сильно ее начало трясти. Она показывала ему конверт со своим именем и адресом, напечатанными на машинке. Сэм побледнел.

– Он знает, где я живу, Сэм.

Между ними повисло молчание.

– Маззи, не могли бы мы ехать немного быстрее? – сказала она.

19

15:30

Фэйми решила не открывать конверт до тех пор, пока они не окажутся в доме Сэма. Сперва она хотела разорвать конверт прямо в такси, но Сэм положил свою руку на ее и перевел взгляд на водителя:

– Подожди.

Она заставила себя бросить письмо обратно в сумку. Остаток пути прошел в молчании.

– Удачи! – крикнул Маззи, когда они выходили из машины.

Дверь в дом Сэма была открыта. Джо Картер поцеловала мужа, а затем повернулась к Фэйми, раскинув руки. Фэйми с радостью приняла ее объятия. Примерно метр шестьдесят. Черные волосы до плеч собраны в хвост серебристой резинкой. Джо была красивее, чем помнила Фэйми. Простая серая толстовка, потертые джинсы. Широкая улыбка. Они прошли в гостиную. Раздвижная дверь в сад была полуоткрыта, и в комнате пахло скошенной травой, свежими цветами и жареной курицей. Фэйми рухнула на диван – потертый и продавленный, но оживленный яркими подушками.

– Спасибо, Джо, извините, что свалилась вам на голову.

– Пожалуйста, не извиняйся, – перебила ее Джо. – Сэм мне обо всем рассказал. Ужин скоро будет готов, комната для гостей у нас есть. И, кстати, Томми сказал, что будет через пятнадцать минут. Не хочет пропустить все веселье. А пока мне нужно вернуться на кухню.

– Вот видишь, все в порядке. Как я и обещал, – сказал Сэм.

– Ты молодец, – улыбнулась Фэйми. – Я забыла, Джо из ЮАР?

– Из Зимбабве, – сказал Сэм. – Южноафриканские корни у нее тоже есть, но в основном – Зимбабве.

Фэйми сделала глубокий вдох, затем выдохнула через сжатые губы, как будто сдерживая острую боль.

– Не могу терпеть до приезда Томми, давай посмотрим, что скажет наш Синоптик.

Она разорвала конверт, вытащила один сложенный лист бумаги и развернула его. В середине листа, чуть выше сгиба, был ряд машинописных цифр. Она прочитала их дважды, трижды. И протянула листок Сэму.

Он нахмурился:

– 0800 272 4362. Это все?

Фэйми проверила конверт.

– Больше ничего. Признаюсь, я немного разочарована. Я надеялась на новую загадку, а не на номер телефона какой-то сомнительной горячей линии.

– Начинается на 0800. Обычно это какие-то продажи. Ставлю на пиццерию.

Джо вернулась с чаем.

– Опять ваши таинственные записки? – спросила она.

Сэм показал ей листок.

– Так позвоните, – предложила Джо. – Наберите с городского, в телефонном справочнике этого номера нет. – Она протянула Фэйми беспроводную трубку. – Если на том конце окажется какая-нибудь Грудастая Герда, вы почувствуете облегчение или разочарование?

Хороший вопрос. Фэйми задумалась.

– Разочарование, – сказала она.

– Облегчение, – сказал Сэм.

С бешено колотящимся сердцем Фэйми набрала номер и включила громкую связь. Два гудка и звук переключения на автоответчик. Женский голос: «Спасибо, что позвонили в службу объявлений “Дейли телеграф”. Разместить объявление можно...»

Фэйми сбросила звонок.

– Что, черт возьми, это значит? – спросила она, переводя взгляд с Сэма на Джо.

– Ну, либо это мошенничество, либо кто-то опубликовал для тебе сообщение, – сказал Сэм. – Мы газет не выписываем, но, может, в магазинчике на углу еще есть сегодняшний номер. – Сэм проверил карманы и выбежал из комнаты. – Две минуты! – крикнул он, перед тем как хлопнула входная дверь.

Джо улыбнулась Фэйми. Она источала уверенность и спокойствие. Неудивительно, что Сэм был так ей предан.

– Как ты? Те еще деньки, да?

– Можно и так сказать. – Фэйми попыталась ответить такой же теплой улыбкой.

– Сэм сказал тебе, что собирается увольняться? – Ответом ей стал ошарашенный взгляд Фэйми. – О, понятно. Он собирается бросить работу. Говорит, с него хватит. Нам обоим это надоело. Твое увольнение стало последней каплей.

«Станет четырнадцатым», – подумала Фэйми.

Один короткий и один длинный звонок в дверь заставили Джо выйти из комнаты. Через несколько секунд появился Томми. Яркий костюм для пробежек и повязка на голове.

– О, ну ты прямо из тысяча девятьсот восемьдесят пятого, – сказала Фэйми. – На мгновение я подумала, что это прибежал Хьюи Льюис и группа «Ньюс». Как дела, Томми?

Томми буркнул что-то в ответ, схватил записку.

– Это все? Ради этого я сюда со всех ног бежал?

Фэйми только пожала плечами.

– Это что, номер телефона?

– Служба объявлений в «Дейли телеграф». И предвосхищая твой следующий вопрос – Сэм уже пошел за газетой.

Томми опустился на диван. Пах он отвратительно.

– Душ бы тебе не помешал, – не выдержала Фэйми.

Томми проигнорировал ее комментарий.

– А где конверт?

Фэйми протянула ему конверт.

– Ты должна сообщить об этом. Кто знает, кто этот сумасшедший и как он за пару дней выяснил, где ты живешь. Может, их целая группа и они следят за нами. Как минимум, ты должна сообщить об этом руководству.

– У меня больше нет руководства, – заметила Фэйми.

– Ой да. Забыл.

– Кроме того, Льюис не мог проявить больше пренебрежения, даже если бы постарался.

– Ты показала ему записку?

Фэйми кивнула:

– Предложил положить ее к остальным посланиям психов.

Томми еще раз прочитал номер.

– В газете точно что-то должно быть. Я даже не знал, что раздел с объявлениями все еще существует.

Дверь распахнулась, запыхавшийся Сэм бросил газету Фэйми:

– Последний экземпляр. Я сказал им, что он нужен мне для исследования.

Томми рассмеялся:

– Это не порнография, знаешь ли, тебе не нужен повод, чтобы купить газету.

Фэйми быстро перелистывала страницы.

– Кто-нибудь знает, на какой странице публикуются объявления?

Как оказалось, почти в самом конце. Четыре колонки небольших сообщений. Всего, наверное, около сотни. Она провела пальцем по первому столбцу – ничего. Второй – ничего. Третий и четвертый – ничего.

Она проверила еще раз:

– Множество чудачков, но нашего нет.

– Может, не тот день? – предположил Сэм. – Может, напечатают только завтра?

– Или же никогда, потому что он просто псих? – сказал Томми.

– Кстати, почему «он»? – спросил Сэм. – Женщины тоже бывают не в себе.

Фэйми снова взглянула на записку с номером.

– А если... – сказала она и остановилась, судорожно соображая.

– А если что? – одновременно переспросили Сэм и Томми.

– А если мы не должны искать объявление, а должны его разместить?..

– Ты о чем? – спросил Томми.

– Может быть, наш Синоптик хочет поговорить. Он, или она, хочет, чтобы мы подали объявление. – Она посмотрела на скептически настроенных друзей и пожала плечами: – Просто предположила.

Джо просматривала газету:

– «Вы должны подать объявление до 16:00». У нас есть пятнадцать минут...

– Давайте попробуем, – решила Фэйми.

Она достала ноутбук из сумки и через сайт отправила объявление за три минуты до четырех часов.

20

17:00

Джейн Хилтон тихо сидела в углу кабинета Эндрю Льюиса. Ноги скрещены, руки сложены на коленях. Она смотрела, как начальник бюро новостей листает ее отчет. Четыре аккуратные страницы. Он медленно прочитал первую из них, а затем постепенно ускорялся, пока не дошел до последней.

– Ага, тут я все понял, – сказал Льюис, просматривая последний абзац и обращаясь как к самому себе, так и к Хилтон. – И что ты хочешь этим сказать, Джейн? Отвечай так кратко, как тебе угодно. И так прямолинейно, как тебе хочется. – Он сдвинул очки на лоб и откинулся в кресле.

Хилтон выглядела слегка озадаченной. Она убрала прядь волос за ухо, разгладила воображаемые складки на юбке.

– Ну, я бы сказала, это очевидно, Эндрю. – Она подалась немного вперед. – Мы с Фэйми пересеклись в Пакистане на девять месяцев. И я согласна с твоей высокой оценкой ее работы. Но должна заметить, что в то время она стремилась делать репортажи о самых радикальных исламистах, которых могла найти. – Джейн указала на отчет: – Я описала пять случаев, которые, возможно, считали храбростью, но, по моему мнению, они граничат с безрассудством. Первый – нападение на пригородные поезда в Мумбаи в 2006 году⁵. Семь бомб за одиннадцать минут. Двести девять мертвых. Насилие, осужденное во всем мире.

Льюис поднял обе руки ладонями наружу.

– Я помню, Джейн, – сказал он, – я помню. Но, пожалуйста, ты не в прямом эфире, говори со мной как с нормальным человеком. Посмотрим, сработает ли такой подход.

Хилтон поджала губы, посмотрела в пол. Снова убрала волосы и разгладила юбку.

– Я думаю, что правильным решением было бы обратиться за комментариями к основным партиям. Есть же Техрик-и-Инсаф, Авами Техрик, Пакистанская мусульманская лига⁶. Но Фэйми направилась прямо в Лашкар-е-Тайба – «Армию праведников»⁷...

– Которые и совершили нападение, – перебил ее Льюис, – я помню. Продолжай.

После небольшой паузы Хилтон заговорила:

– Конечно, мы берем интервью у всяких психов – так ведь интереснее. Но если игнорировать основное и традиционное мнение, аудитория получает искаженное представление о происходящем. Это я к тому, что Фэйми впадает в крайности. И так было всегда. Она искажает и переинформирует информацию. Зачем разговаривать с людьми умеренных взглядов, если можно поговорить с парнем с оружием в руках?

Льюис глянул в отчет:

– А затем теракты в Мумбаи в 2008 году? Отель «Тадж Махал» и так далее⁸.

⁵ 11 июля 2006 года в течение 11 минут произошло семь взрывов на пригородной железной дороге в Мумбаи, столице индийского штата Махараштра и финансовой столице страны. В результате погибло 209 человек, более 700 получили ранения.

⁶ *Техрик-и-Инсаф* – Движение за справедливость, центристская политическая партия. Нынешняя правящая политическая партия Пакистана. *Авами Техрик* – Пакистанское народное движение, политической партией принимавшей участие во всеобщих выборах в 1990 и 2002 годах. *Пакистанская мусульманская лига* – правоцентристская консервативная политическая партия в Пакистане.

⁷ *Лашкар-е-Тайба* – «Армия чистых» или «Армия праведников». Одна из самых больших и самых активных террористических организаций. В основном ведет свою деятельность против Индии в Пакистане.

⁸ Серия терактов, совершенных в индийском городе Мумбаи в ноябре 2008 года. Террористы из Лашкар-е-Тайба открыли беспорядочную стрельбу из автоматов в здании вокзала Виктории, захватили заложников в гостиницах «Тадж-Махал» и «Оберой», атаковали полицейский участок и т. д. Всего было зафиксировано семь нападений. В результате погибли 166 мирных жителей и сотрудников силовых структур, 9 из 10 террористов, множество получили ранения.

– То же самое, – кивнула Хилтон. – К тому времени она уже была в Берлине, но знала все номера, по которым можно было связаться с нужными людьми. Заявления, которые она получила от Лашкар-е-Тайба, были, скажем так, довольно провокационными. Понимаешь, обычно террористы – не первые к кому обращаются за комментариями. В случае любого нападения, ты же не станешь в первую очередь разговаривать с теми, кто это нападение оправдает? Логичнее ведь звонить семьям жертв, в полицию и скорую помощь. Я бы так и сделала. Думаю, ты тоже. Эндрю, ты же был в Чечне и тоже знал всех нужных людей, но ты понимал, как сбалансировать ужас, не оправдывая его.

Она откинулась на спинку кресла с видом человека, доказавшего свою правоту.

– Хочешь сказать, она дружила с врагом? – спросил Льюис.

Хилтон покачала головой, подбирая слова:

– Ну, так бы я это не формулировала, Эндрю. История – репортаж – для нее была прежде всего. Всегда. Она просто отработывала свои зацепки и контакты. Но почему-то это всегда были головорезы.

Льюис задумался.

– Ты с ней об этом говорила? Когда вы были в Пакистане?

Хилтон кивнула:

– И не раз. Но она по сути была моим начальником, так что... В общем, она продолжала поступать по-своему.

Льюис надел очки, пролистал отчет и перечитал несколько абзацев.

– А эти... головорезы, представители экстремистских групп, они когда-нибудь связывались с ней сами? Ты что-то знаешь об этом? – Он внимательно смотрел на женщину, но ее лицо оставалось невозмутимым – она снова работала как на камеру.

– Я точно не знаю, но не удивлюсь, если оно так и было.

– Понятно.

Повисла пауза. Хилтон поерзала на стуле.

– А что ты подумала, когда она начала встречаться с Сетом Хуссейном? – спросил Льюис.

Хилтон пожала плечами:

– Честно говоря, я об этом и не думала. Он казался достаточно порядочным журналистом. Вот и все. Они оба, конечно, думали, что их отношения – большая тайна. Вели себя так, будто работают под прикрытием. Об Амале никто не знал... Вот и все.

– А теперь, когда ты знаешь, что Амаль известный исламистский террорист, что ты думаешь?

Хилтон потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями. В конце концов она сказала:

– Я уже ничему не удивляюсь, Эндрю. Ты сказал, что я могу говорить все прямо? – Получив одобрительный кивок, она продолжила: – У нее были отношения и с Амалем? Нам это известно?

Льюис нахмурился, между его бровей пролегли глубокие бороздки.

– Насколько мы знаем, они никогда не встречались.

– Ага. Хорошо.

Льюис хорошо знал этот ее тон.

– Я так понимаю, ты намекаешь, что секс с обычным парнем не так интересен, как секс с парнем с оружием в руках? – спросил он.

Хилтон скрестила руки на груди.

– Я уверена, что это не так, – сказала она, и было очевидно, что слова эти означают прямо противоположное. – Но это интересное направление для расследования.

Льюис взял мятную конфету и предложил Хилтон. Она покачала головой.

21

18:10

В тот день допрос вел студент. «Критика и самокритика» – это был официальный термин. «Синоптики» называли это «накручивание». Слова лидера выкрикивались раз за разом прямо в лицо человеку, который и так в них верил.

Погрузись в грязь. Обними палача. Измени мир⁹.

Студент понял, что грязи будет предостаточно.

Спальня хозяев была самой большой комнатой в доме, поэтому ее использовали как зал для собраний. Окна закрыты, тяжелые шторы опущены – жара была невыносимой. Две односпальные кровати были задвинуты в угол, четыре деревянных кухонных стула стояли вокруг пятого. На нем сидел сильно вспотевший мужчина. Его русые волосы до плеч были собраны в растрепанный хвост, а взгляд маленьких темных глаз метался по комнате.

– Может, мы уже закончим? – предложил он. – Уверен, у всех нас есть более важные дела.

На нем были спортивные шорты и поношенная желтая майка баскетбольного клуба «Лос-Анджелес Лейкерс» с номером 23. Одна нога нервно дергалась.

Студент и их лидер сидели лицом к нему.

– Сперва нужно начать. – Голос лидера был тонким, даже пронзительным, с сильным акцентом. Бледное худое лицо, очки с оправой только по линии бровей, аккуратная стрижка и гладко выбритый подбородок. Он поставил на пол небольшую серую коробочку размером с пульт дистанционного управления. Две кнопки, один маленький циферблат под прозрачной пластиковой крышечкой. Счетчик Гейгера. – Чтобы предупреждать о неизбежных атаках спецслужб, – пояснил он.

Мужчина на стуле снова заерзал.

– Так вы говорите, что эти сеансы работают, да? Значит, вы узнали об их важности еще в Турции и что здесь их тоже используют, да? – Он энергично почесал голову обеими руками, переводя взгляд со студента на лидера. – Но разве мы не разговариваем сами с собой? Кого волнует, что я думал в прошлом. Все мы знаем, что эта страна может стать нашей. Все столпы, на которых она держится, оказались полыми. Если нам предстоит война, давайте начнем ее!

Студент поднял обе руки:

– Мы знаем, мы согласны. Поэтому мы и здесь. Но вы же знаете, как мы работаем.

В этот момент в комнату вошла женщина и села на свободный стул. Около двадцати, высокая, слегка сутулая. Резкие черты лица – острый нос и подбородок, маленькие уши.

– Извините, что опоздала. Как прошел экзамен? – спросила она студента.

– Так, мы сюда не поболтать пришли, – прервал ее лидер. – Ячейка станет сильнее, только очистив себя. Начинаем.

Студент придвинул свой стул так, чтобы сидеть лицом к потному мужчине. Их колени соприкасались.

– Как долго ты был фашистом? – спросил студент.

Сидящий вздохнул:

– Опять это дерьмо? Ты же все знаешь. Ладно. Когда я учился в школе, я присоединился к Британскому движению¹⁰. Был один парень на год старше меня, и он, казалось, знал, что творится в мире. Поэтому я на некоторое время увлекся его идеями.

⁹ Цитата из пьесы «Высшая мера» немецкого поэта и драматурга Бертольта Брехта.

¹⁰ *Британское движение* (Британское национал-социалистическое движение) – неонацистская организация, основанная в 1968 году. Была основана как политическая партия, но проявила себя больше как группа давления, имеет долгую и неодно-

– Отвечай на вопрос, – сказал студент. – Как долго ты был фашистом?

– Около пяти лет, плюс-минус.

– Неплохой срок для отношений с преступниками, – сказал студент. – У тебя, должно быть, появилось много хороших друзей. Вы поддерживаете связь? – Он наклонился вперед: – Ты поддерживаешь с ними связь?

Потный мужчина покачал головой:

– Это шутка? Правила – ваши правила – гласят: никаких компьютеров, телефонов, веб-сайтов, никакого присутствия в Сети. Мы невидимы. Даже если бы я хотел с ними общаться, мне бы пришлось писать гребаные письма!

– А ты писал?

Потный мужчина оглядел комнату.

– В чем смысл всего этого? Вот если честно? Вы знаете, что нет. Я провожу все свое гребаное время здесь, с вами. Мы все только и ждем, когда сможем оказаться полезными, сможем нанести какой-то ущерб. Принести войну в дом. Это то, ради чего мы тренируемся, разве нет?

– Когда ты осознал свои преступления? Скажи это вслух. Скажи нам.

Мужчина вздрогнул и наклонился вперед. Он повернул голову, обращаясь к лидеру:

– Мое преступление заключалось в том, что я не видел, как глобализация сделала всех нас рабами, что коррумпированный класс угнетателей контролирует так называемых левых, а также правых, что права человека – это империалистическое тщеславие и что выборы ни черта не значат.

Студент снова наклонился к нему:

– Какие у тебя есть сомнения по поводу нашего проекта?

– Никаких. У меня нет сомнений. Эта страна сейчас слаба, и все не так, как было, – это все знают. Наш анализ – ваш анализ – правильный. Время для восстания пришло. Институты дискредитированы, дисфункциональны. Все до единого. Господи, даже правящий класс нападает на собственный парламент и судей. Страна слаба, но наши ячейки сильны. Несколько метких ударов – и все может рухнуть. Так что нет, у меня нет сомнений.

Студент не сводил с него глаз.

– Но ведь это не совсем так, правда?

На лице мужчины появилось явное раздражение.

– Ладно, хорошо. Некоторое время мне было трудно соблюдать секретность. Сейчас двадцать первый век. Мне казалось странным использование старых технологий, но теперь я все понял. Лучший способ избежать обнаружения – не оставлять цифровых следов. Я прекрасно это понимаю. Пишущие машинки, письма, брошенные в почтовый ящик, невидимые чернила, телефонные будки и все такое.

Лидер снял очки – он начинал беспокоиться. Студенту пришлось рискнуть и спросить:

– Ты диверсант?

Вопрос застал мужчину врасплох, он выглядел потрясенным.

– Я кто?

– Ты диверсант? – повторил студент, слова застредали у него во рту. – Классовый предатель. Информатор.

Лицо вспотевшего мужчины в мгновение ока сменило насмешливую агрессию на крайний дискомфорт. Его рот приоткрылся, взгляд метнулся между студентом и лидером.

– Боже милостивый, вы это серьезно.

Студент ударил его кулаком по лицу. Лидер достал нож с деревянной рукояткой и длинным лезвием.

Погрузись в грязь. Обними палача. Измени мир.

22

Суббота, 9 июня, 04:35

В голове студента не переставали крутиться слова лидера. С таким же успехом он мог бы вытатуировать на веках «обними палача». Лидер цитировал эти строки, прежде чем сделать надрез. Сказал, что слова взяты из пьесы. Произносил их, словно экстатическую религиозную речь. Его голос был сдержанным и мягким, но глаза были дикими, а сам он светился от удовольствия.

С кем справедливый человек не вступит в сговор во имя справедливости? Какого подлого поступка вы бы не совершили? Если бы вы могли изменить мир, вы бы пошли и сделали это? Погрузись в грязь. Обними палача. Измени мир.

Затем он взял вспотевшего мужчину за ухо и приложил сверху нож. Он был готов отрезать его, но сначала обратился к студенту и женщине. Присяжным.

– Операция близка. Очень близка. Скоро все граждане начнут бастовать. Мы получим шанс заявить о себе. Нанести удар по ослабевшим империалистам, которые разрушают жизни стольких людей. Но чем ближе мы к врагу, тем вероятнее нападения на нас. Мы должны быть бдительными. Всегда начеку. – Он встал на цыпочки. – Среди нас есть предатель. Ведь так? И кто же еще, как не фашист?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.